

Лекции

Тема 1. О понятии «перевод».

Тема 2. Неологизмы и архаизмы в оригинале и в переводе.

Тема 3. Синонимия. Антонимия. Омонимия. Паронимия.

Тема 4. Фразеологическая единица в оригинале и переводе.

Тема 5. Имена собственные в оригинале и переводе. Смысловые имена собственные.

Тема 6. Трудности перевода.

Тема 7. Полисемия и типы лексических значений.

Тема 1. О понятии «перевод». Возникновение теории перевода, задачи переводоведения.

Перевод — одно из древнейших занятий человека. Различие языков побудило людей к этому нелегкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами. Слово «перевод» многозначно, и у него есть два терминологических значения, которые нас интересуют. Первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка. Второе называет результат этого процесса — текст устный или письменный. Хотя эти понятия разные, но они представляют собой диалектическое единство, одно не мыслится без другого. Уместно также заметить, что в языкознании существует более широкое, чем перевод понятие двуязычной коммуникации. Главное место в ней занимает языковое посредничество, к которому относятся и перевод, и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения. Нынешние наименования перевода, например, в романских языках, *traduction* (фр.), *traduccion* (исп.), *traducao* (порт.), *traduzione* (ит.), означения понятий «переводить» (*traduire, traduire, traduzir, tradurre*) и «переводчик» (*traducteur, traductor, tradutor, traduttore*), появились лишь в XVI веке. До этого эти значения передавались другими словами.

Цицерон, переводивший труды Платона и Демосфена, Гораций в трактате «Наука поэзии» использовали слово *interpres* в значении «переводчик», «толкователь». То же наименование употребляет переводчик Библии Святой Иероним (IV в. н. э.). И в Средние века монахи-переводчики пользовались именами *interpres* и *hermeneuta*. Однако уже в конце той эпохи эта терминология становится малоупотребительной.

В формирующихся романских языках понятие «писать на народном языке», т. е. на народной латыни, передавалось теми же глаголами, что и понятие «переводить с латинского на народный язык»: *enromancier* (фр.), *romancar* (исп.), *romanzare* и *vulgarizzare* (ит.). После XII в. переводчика во Франции называли *droguement* (*drugement*) и *trucheman* (*truchement*) а в Италии — *drogomanno* (и *trucimanno*), заимствованные из сирийского *targmana* и византийского *dragoumanos* (сравните в русском «толмач» из тюркских источников).

В тот же период во французском языке от латинских *translatio* (перенесение значения, метафора) и *translator* (передающий что-либо кому-либо) образуются слова *translation* и *translateur* в значении «пе-ревод» и «переводчик», которые были освоены и другими европейскими языками.

Возникновение книгопечатания стимулировало переводческую деятельность. Именно тогда и появились современные термины. К 1539 году относят появление глагола *traduire*, а в 1540 французский гуманист и переводчик Э. Доле включает в один из своих трактатов *traduction* и *traducteur*. В Испании возникают неологизмы *traducir* и *traduccion*, а в Италии — *tradurre* и *traduzione*. В школьной практике продолжает употребляться термин *version* (анг., франц., итал.), *version* (исп.), обозначающий перевод на родной язык с греческого и латинского.

В свое время наша страна занимала одно из первых мест в мире по числу и тиражности ежегодно выпускаемых переводов прежде всего художественной литературы. Многие переводчики достигли в своих работах высот литературного мастерства. Впечатляющие достижения переводческой практики не могли не привести к развитию теории перевода. У ее истоков стоит А. М. Горький. Великий писатель глубоко и верно понимал взаимоотношения практики и теории перевода в литературном процессе.

В 1918 г. им основано издательство «Всемирная литература». Объединив известных ученых, писателей и переводчиков, он поставил перед ними одновременно практические и теоретические задачи. Необходимо было отобрать лучшие творения мировой литературы, выполнить их переводы и научно осмыслить достижения и просчеты переводческой практики прошлого. Для приобщения новых читателей к бесценному литературному наследию всех времен и народов «...нужна была теория художественного перевода, вооружающая переводчика и ясными принципами, дабы каждый — даже рядовой — переводчик мог усовершенствовать свое мастерство». Первый шаг к созданию теории перевода сделал сам Горький, который подготовил предисловие к «Каталогу издательства «Всемирная литература» при Наркомпросе» (1919) и написал несколько небольших заметок о художественном переводе. Заметки эти он передал К. И. Чуковскому и поручил ему составить первое в отечественной филологии описание принципов художественного перевода. Таким образом, у отечественной переводческой школы истоки теории и практики оказались общими.

Брошюру «Принципы художественного перевода», включавшую статьи К. И. Чуковского и Н. С. Гумилева, издали для служебного пользования также в 1919 г. А в 1930 г. увидела свет книга «Искусство перевода», ее составили значительно дополненная работа К. И. Чуковского и исследование А. В. Федорова «Приемы и задачи художественного перевода». В 1931 г. М. П. Алексеев опубликовал в Иркутске большую статью «Проблемы художественного перевода». За несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны почти одновременно были изданы две книги, сыгравшие особую роль в развитии переводоведения: «Высокое искусство» К. И. Чуковского и «О художественном переводе» А. В. Федорова.

Для последующих лет вновь были характерны «малые исследовательские жанры». Статьи, заметки, рецензии, посвященные самым разнообразным видам переводческой деятельности (в том числе машинному переводу), часто публиковались в выпусках: «Мастерство перевода», «Тетради переводчика», тематических сборниках различных издательств, а также в журналах, газетах и вузовских ученых записках. По вопросам теории перевода защищались кандидатские и докторские диссертации. Переводческая проблематика становилась все более многообразной. Было ясно, что в переводоведении наступает новый этап и следует ожидать появления работ, обобщающих накопленный теоретический и практический опыт. Так оно и случилось. Только за три года (1971—1974) вышло из печати столько монографических исследований по теории перевода, сколько их не выходило за всю историю отечественного переводоведения.

Теория перевода или переводоведение обычно определяется как научная дисциплина, в задачу которой входит изучение процесса перевода и его закономерностей; раскрытие сущности, характера и регулярности межъязыковых переводческих соответствий различного уровня путем обобщения и систематизации наблюдений над конкретными текстами оригинала и перевода; описание приемов и способов перевода, рассмотрение истории переводческой практики и теории, определение роли переводов в развитии отечественной культуры.

Объектом изучения является сам процесс перевода во всех многообразных проявлениях и различные переводные тексты и их оригиналы, сравнение которых предоставляет исследователям объективные данные для развития теории перевода.

Принято считать, что у переводоведения есть несколько основных разделов:

Общая теория перевода изучает универсальные закономерности процесса перевода вообще и в зависимости от жанра переводимых текстов, определяет теоретические основы межъязыковых, стилистических, функциональных и т. п. соответствий, специфику устного и письменного перевода и т. п. А. В. Федоров определял общую теорию перевода как «систему обобщения, применимых к переводу разных видов материала с разных языков на разные языки».

Частные теории перевода выявляют особенности перевода с одного конкретного языка на другой, типы соответствий между конкретными языковыми единицами и явлениями, виды окказиональных речевых соответствий, индивидуальных стилистических приемов переводчиков и т.п. Иными словами, это «итоги работы по исследованию перевода сводного конкретного языка на другой и перевода конкретных видов материала». Конечно, общее и частное всегда взаимосвязано. Частные теории перевода, опираются на широкий эмпирический материал, обогащают общую теорию, делая ее более достоверной и доказательной.

Специальные теории перевода исследуют специфику различных видов переводческой деятельности (перевод устный, письменный, синхронный, последовательный, абзацно-фразовый и т. д.) и особенности, своеобразие и закономерности, обусловленные жанром переводимого произведения (перевод художественной, научной, технической, публицистической и т. д. литературы).

История практики и теории перевода связана с исследованием исторических этапов и основных направлений переводческой деятельности, периодизацией переводов, варьированием представлений о сущности перевода, роди переводной литературы в национальных литературах и т. п.

Критика перевода дает оценку адекватности переводов оригиналу, определяющая значение переводов для культуры принимающего языка. Это направление обычно связано с переводами художественной литературы и только начинает оформляться в самостоятельный научно-обоснованный раздел переводоведения.

Особое место занимает теория машинного перевода, на основе которой делаются попытки смоделировать процесс естественного перевода и создать переводящие машины, а также инженерные установки, содержащие сведения о лексико-грамматических и семантических соответствиях различных языков. Теоретики машинного перевода опираются на данные таких наук, как информатика, кибернетика, математика, семиотика и др.

С переводоведением тесно связана методика преподавания перевода. Она разрабатывает наиболее оптимальные методы обучения различным видам и типам устного и письменного перевода с одного языка на другой.

Некоторые исследователи считают, что в современном переводоведении существуют еще два раздела: практикология перевода, включающая в себя социологию перевода, редакционную работу над переводом, методологию критики перевода, и дидактика перевода, изучающая вопросы обучения переводчиков и составления пособий для них. Этот последний раздел совпадает с уже упомянутой методикой преподавания перевода.

Тексты для перевода и их классификация

1. *Разговорные тексты.* Они могут подразделяться на разговорно-бытовые, разговорно-деловые и др. Разговорные тексты выполняют, функцию общения, реализуются в устной диалогической форме и ориентируются на взаимную коммуникацию ради каких-нибудь целей.

2. *Официально-деловые тексты,* к которым относятся великое множество государственных, политических, дипломатических, коммерческих, юридических и тому подобных документов. У них основная функция сообщения. Как правило, они существуют в письменной форме, которая в некоторых видах документов бывает сравнительно жестко регламентированной.

3. *Общественно-информативные тексты.* Они содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция — сообщение. Эти тексты могут быть тенденциозными и рассчитанными на определенное воздействие, на обработку общественного мнения. Однако функция сообщения остается у них основной, формирующей типологию текста. Форма этих текстов чаще всего письменная. На радио и телевидении письменные тексты ретранслируются в устной форме. Нечто подобное происходит и с ораторской речью, когда она воспроизводит письменный оригинал.

4. *Научные тексты,* имеющие много подтипов, видов и подвидов, в зависимости от областей знаний и назначения. Среди них выделяются, прежде всего, тексты специальные, рассчитанные на профессионалов, и научно-популярные, предназначенные для массового читателя. Всем им присуща функция сообщения и ориентация на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания. Научные тексты реализуются главным образом в письменной форме. На конференциях, съездах, симпозиумах и т. п. их форма может быть устной.

5. *Художественные тексты,* охватывающие все жанровое разнообразие художественной литературы, литературной критики и публицистики. У них две основные взаимосвязанные текстообразующие функции: воздействия и эстетическая. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения. В литературе воплощается не только и не столько рациональное, сколько художественное и эстетическое познание действительности. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую, эстетическую функцию. Конечно, художественные тексты следует подразделить на виды, например, соответствующие литературным жанрам. У каждого из видов окажется своя художественная, языковая и функциональная специфика.

6. *Религиозные сочинения.* Их содержание, характеристики отличаются особым своеобразием. Основное место среди них занимают канонические книги Священного писания, апокрифы. Жития святых, проповеди, теологические сочинения. Переводы библейских книг имеют многовековую историю. Библейские переводы связаны с экзегетикой — разделом богословия, трактуящем многозначность некоторых текстов Библии и библейской лексики, уточнением текстов.

Проблема эквивалентности и тип переводимого текста

Цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-то восприятие, а в сохранении содержания, функции, стилевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала. И если эта цель будет достигнута, то и восприятие перевода в языковой среде перевода будет относительно равным восприятию оригинала в языковой среде оригинала. Преувеличение роли коммуникативно-функционального фактора в переводе приводит к размыванию внутреннего содержания, информативной сути самого текста оригинала и перевода, к замещению сущности объекта реакцией на него со стороны воспринимающего субъекта. Определяющим становится не сам текст, а его коммуникативная функция и условия реализации.

Коммуникативно-функциональная эквивалентность является понятием относительным, одним из важных, но не основных компонентов понятия переводческой эквивалентности.

Следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе — это передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все

остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.

Известно, что перевод материализуется в двух формах, устной и письменной. Уровень эквивалентности устных и письменных переводных текстов весьма различен. Вначале рассмотрим сферу устного перевода, который обычно, подразделяется на последовательный (включая абзацно-фразовый) и синхронный. Наиболее сложным для достижения эквивалентности является синхронный перевод. Сама сущность этого вида перевода не позволяет добиться высокой степени эквивалентности. Ведь при синхронном переводе устная переводная речь порождается почти одновременно с восприятием устного сообщения на языке оригинала. Именно темпоральный (временной) фактор влияет, прежде всего, на снижение уровня эквивалентности. Синхронист запаздывает в передаче смысла по сравнению, с речью оригинала, возникает так называемая «синфазность», фазовый сдвиг. С другой стороны, переводчик обязан закончить перевод в тот же временной отрезок, что и оратор. Неизбежность фазового сдвига и темпорального (временного) ограничителя обязывает переводчика изыскивать возможность для линейных (горизонтальных) синтаксических трансформаций, для словесного уплотнения (спрессовывания, свертывания) передаваемой информации и сокращения семантической избыточности, если она есть в сообщении оратора. Под линейными синтаксическими трансформациями понимается, например, употребление слова вместо фразеологизма, или вместо глагольного оборота, или превращение сложноподчиненного предложения в сложносочиненное или в самостоятельное предложение, или снятие местоименных повторов и т. п. Все это позволяет получить необходимый резерв времени для синхронного перевода. Для этих же целей используют приемы уплотнения информации, т. е. передачи ее меньшим объемом лексических единиц, и сокращения семантической избыточности, если оратор грешит употреблением характерных для него и в принципе засоряющих его речь вводных слов и выражений. Конечно, переводчик-синхронист экономит время и на так называемом вероятностном прогнозировании, т. е. умении предугадывать смысл фразы по ее начальным лексическим единицам, ключевым словам, а также благодаря увеличению темпа собственной речи по сравнению с речью оратора. Это важный прием, хотя и сопряженный с определенным риском. Исследователи подсчитали, что если синхронисту приходится говорить в ритме 150—200 слов в минуту, то неизбежны пропуски и ошибки. Следует упомянуть также, что при синхронном переводе теряются личностные характеристики речи оратора, тембр и модуляции голоса, экспрессивность интонации и т. п.

Синхронный перевод может осуществляться и с листа, когда переводчик, не только слушает оратора, но и видит переданный ему текст выступления.

Еще один тип устного перевода — это последовательный, который выполняется пофразно или поабзацно и может сопровождаться стенографическими записями переводчика или пометками о ключевых понятиях. Однако у всех этих видов устного перевода сохраняется сходная с собственно синхронным переводом неполнота эквивалентности.

Итак, эквивалентность устного перевода оригиналу следовало бы определить как редуцированную относительную эквивалентность.

Каков же характер эквивалентности у письменного перевода книжных и вообще печатных текстов? Ранее была предложена классификация письменных текстов, которые чрезвычайно разнообразны по жанрам, стилям, функциям и т. д. Их характер определяет подход и требования к переводу и степень его эквивалентности оригиналу.

Следует также напомнить, что в отличие от устного письменный перевод делается при постоянном обращении к подлиннику. Сверка перевода с оригиналом может быть многократной. Если переводчик не слишком ограничен во времени, он

может прибегать к помощи различных словарей, справочников, энциклопедий и т.п. В процессе перевода он творчески раскрепощен. Его ограничивает лишь обязательство перевести иноязычный текст с наибольшей информационной точностью.

Принимая во внимание предложенную рабочую классификацию текстов, попытаемся кратко охарактеризовать степень относительной эквивалентности, свойственную различным типам текстов.

При бытовом общении в переводе разговорных текстов, как правило, нужды не бывает. В сфере делового общения уровень относительной эквивалентности устного перевода связан с параметрами, о которых шла речь выше.

Официально-деловые тексты полностью ориентированы на передачу содержания. Их форма в большинстве случаев бывает стереотипной. Обращения, зачины текста, последовательность изложения, концовки документов в каждом языке подчиняются строгим правилам риторики и изобилуют языковыми штампами.

В языке перевода сохраняется композиция оригинала, но сами языковые штампы могут отличаться по внутренней форме, совпадая по содержанию. В европейских языках высока культура и стандартизация письменной переписки. В современном русском языке гораздо меньше устоявшихся риторических штампов. Поэтому при переводе иногда приходится прибегать к дословному изложению. Прием дословного перевода нередко используется в дипломатических документах, где каждое слово особенно значимо. Неосторожное употребление слова может послужить поводом для различных толкований и даже дипломатических осложнений.

Относительность эквивалентности названных текстов определяется различиями в языковых клише, в риторических структурах, возможностью появления элементов буквализма и стилистической нейтрализации текста перевода, а также несовпадением характеристик нейтрального стиля в различных языках.

Характер относительной эквивалентности общественно-информативных текстов, воспроизводимых в устной форме, соответствует степени редуцированности, о которой упоминалось в начале этого раздела.

Другое дело газетные и журнальные публикации. Как правило, для них характерно использование значительного числа привычных клише, стереотипных фраз, газетных штампов, политических терминов и понятий, социальных реалий и т. и. В некоторых публикациях используются придуманные журналистами оценочные слова, обыгрываются жаргонные и просторечные слова и выражения.

В этом случае переводчик стремится прежде всего передать точный социально-политический смысл таких публикаций и их общественную направленность. Для этого ему приходится «корректировать» стиль подлинника под газетно-журнальный стиль языка перевода. Исследователи отмечают, что переводчик производит различные синтаксические трансформации рематематического характера, подыскивает устоявшиеся в языке перевода соответствия. Все это свидетельствует о том, что у таких переводов эквивалентность также относительная, но ее уровень близости к оригиналу более высокий, чем при устном переводе. Отличия между оригиналом и переводом возникают за счет разницы в стиле газетно-журнальных публикаций и пояснительных экспликаций в переводе. В этих случаях даже словный объем перевода и оригинала может заметно различаться. Переводы часто оказываются многословнее оригинала.

Степень относительной эквивалентности научных текстов зависит от их типов и видов. Замечено, что чем более формализован научный текст, а это происходит прежде всего в естественных науках, тем более эквивалентен его перевод оригиналу. Переводы некоторых трудов по математике, химии или биологии, состоящих из стереотипных фраз, которые вводят соответствующие формулы, оказываются почти тождественными оригиналу. При переводе научных трудов главное — передать мысль, логику мысли, суть научной доктрины, последовательность рассуждения. Для этого нередко при-

ходится в переводах менять синтаксический строй фраз оригинала, снижать эмоциональную тональность, если она есть в оригинале.

Иногда уровень эквивалентности в переводах специальных трудов снижается за счет описательной трактовки терминов или даже неточностей в их понимании. В переводческих школах западных университетов введены курсы терминологии по избранной специализации. Но и они не спасают от ошибок особенно в сфере гуманитарных наук. Гуманитарии весьма охотно занимаются терминотворчеством, когда этого следовало бы избегать. Часто в зависимости от научной школы, научного направления, даже от отдельного исследователя один и тот же объект означают различными терминами. Переводчику приходится прибегать к амплификациям, разъясняя суть термина, или переводить термин дословно или транскрибировать его. Итак, уровень относительной эквивалентности переводов научной литературы обуславливается некоторыми грамматическими трансформациями, логическими и терминологическими уточнениями и разъяснениями, которые зависят от характера научного труда и прагматических требований к переводу.

В художественном переводе (особенно стихотворном) свои особые законы эквивалентности оригиналу. Перевод может, как уже говорилось, лишь бесконечно сближаться с подлинником. И не более. Потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка. Поэтому освоение одного и того же произведения в разных культурах имеет свою специфику, свои отличия, свою историю. Таким образом, не только оригинал и перевод различаются характером осмысления, социальным значением и репутацией, но и разноязычные переводы одного и того же литературного источника. Но есть и другие причины относительной эквивалентности художественного перевода подлиннику. Они вызваны своеобразием восприятия оригинала переводчиком, разносистемностью языков, различиями социокультурной среды. Проявится и индивидуальность переводчика, определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти обусловленные индивидуальностью переводчика черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, не соотнесены непосредственно с текстом подлинника. Их парадокс в том, что они нежелательны, но неизбежны. Это элементы переводческого стиля. Проблемы стиля переводчика теоретически еще не осмыслены в переводоведении, хотя отдельные высказывания на этот счет уже имеются.

Не следует забывать, что иногда переводчик смотрит как бы из будущего на переводимые им творения, что приводит к смещению некоторых акцентов. Еще один источник уменьшения уровня эквивалентности — это вертикальный контекст, различные аллюзии, намеки на другие тексты или ситуации, а также различные символы, реалии и т. п.

Из всего сказанного явствует, что, несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему, переводчику, можно рассчитывать лишь на относительную эквивалентность художественного перевода тексту оригинала. Эквивалентность воздействия оригинала и перевода на читателя будут относительными в еще большей степени.

Перевод религиозных текстов связан со сложившейся традицией воссоздания сакральных произведений, для которой характерны использование богословской терминологии, устоявшихся оборотов и штампов, архаизация текстов, интерпретация символов, аллюзий, введение во многих случаях буквализмов, обусловленных боязнью

искажить священный текст и т. п. Эти факторы приводят к различиям в текстах оригинала и перевода и относительной эквивалентности текста на языке перевода.

Литература:

1. [Lapesa Rafael Historia de la lengua espanola. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.](#)
2. [Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — \[б. м.\] : Edipoentro, 2013. — 272 с.](#)
3. [Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.](#)
4. [Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.](#)

Тема 2. Неологизмы и архаизмы в оригинале и в переводе. Изолированные, стилистические архаизмы.

Современные лингвисты, регистрируя в речи появление новых слов, обычно выделяют среди них два типа: общеязыковые неологизмы или просто неологизмы, и индивидуальные, речевые неологизмы, или, как их чаще называют, окказиональные слова, окказионализмы. Как известно, обычные неологизмы — это закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли. В век научно-технической революции и ускоренного духовного прогресса таких слов появляется множество, и образуются они по различным продуктивным моделям языка. Помня о дихотомии языка и речи, важно подчеркнуть, что в конечном итоге, неологизмы относятся к фактам языка, ибо они вызваны к жизни не столько экспрессивно-эмоциональными надобностями индивидуума, сколько коммуникативной потребностью общества, словесно детерминирующего новые предметы, явления, факты, понятия и т. п.

В сфере перевода при воссоздании неологизмов обычно не возникает особых проблем. Они переводятся по общим правилам: либо с помощью эквивалентного неологизма, имеющегося в языке перевода (сходные процессы научно-технического роста, присущие развитым странам, и быстрое распространение научных, технических, бытовых и культурных новшеств приводят к почти одновременному возникновению многих равнозначных неологизмов в различных языках), либо транскрибируются или переводятся описательно.

Специальной переводческой проблемы, связанной с общеязыковыми неологизмами, видимо, не существует, но в диахронном плане она, безусловно, есть и в литературоведении, и в теории перевода. Восприятие, например, художественной литературы — категория историческая. У оригинала текст канонический, а восприятие его меняется от поколения к поколению. Многие из слов, которые для читателя конца XIX в. были неологизмами, стали для нашего современника обычными словами. А некоторые обычные слова того века превратились в архаизмы. Однако в эпоху создания произведения любой неологизм вводился автором с определенными функциональными целями, ради усиления выразительности и точности речи. Как же воспримет эти функциональные цели современный читатель, если неологизм перестал быть неологизмом? А как быть с обычным словом, которое сделалось архаизмом и воспринимается уже по-иному, вовсе не так, как думалось автору? Канонический текст художественного произведения не есть нечто застывшее и неизменное. Не меняется он только внешне, а внутренне он живет по своим законам, зависящим от темпов и характера развития языка и общества. Массовое восприятие произведения меняется в связи с обстоятельствами общественной жизни, ростом образованности носителей языка, изменениями культуры, быта, нравов и т. д.

Другое дело — индивидуально-авторское словотворчество, составляющее важную особенность прежде всего художественной речи. Оно многообразно и определяется не только характером и широтой использования лексических и грамматических ресурсов языка, не только своеобычностью тропов автора и манерой его письма, но и особенностями авторских неологизмов. Широкое и систематическое изучение окказиональных слов началось сравнительно недавно. Обычно утверждают, что термин этот появился в 1957 г. Однако справедливости ради следует напомнить, что индивидуально-авторские неологизмы анализировались нашими филологами и в 30-е годы, а термин «окказиональный» впервые в печати употребила Розалия Шор, когда писала об «окказиональных выражениях» в своей незаслуженно забытой книге «Язык и общество», не потерявшей научной ценности и в наши дни.

Окказиональные слова — достояние речи. Они всегда экспрессивны, создаются конкретным автором, порождаются целями высказывания и контекстом, с которым связаны и вне которого обычно не воспроизводятся. Даже в обычной речи основная их функция не номинативная, как у простых неологизмов, а характеристическая. Слова эти иногда и становятся общеупотребительными, т. е. входят в лексическую систему языка, но такая метаморфоза случается редко и, главное, они на нее не претендуют, ибо это не просто слова, а особые слова, специально предназначенные для экспрессивных и художественных целей. Вошедшее в язык слово теряет колорит необычности и новизны, но для окказиональных слов в художественной речи важно быть «неожиданными», важно привлечь внимание к своеобразию своей формы и содержания, важно дать понять читателю, что эти слова не воспроизводятся в речи, а творчески создаются в ней.

Спустя десятилетия после своего создания многие окказионализмы не теряют своей новизны, яркости и продолжают отражать индивидуальность словотворца. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить хотя бы несколько окказиональных слов, созданных М. Е. Салтыковым-Щедриным: *всенипочемство*, *вертопрашество*, *подкузьмение*, *головоушибание*, *рылокошение*, *рылобитие*, *беспощечинность*, *убаюкиватели* (общества), *белибердоносцы* (литературные), *каплунство*, *халдоватость*, *натяфтяфкать*, *душедрянствовать*, *топтательные* (поползновения), *ежоворукавичный* (смысл), *заднекрылечное* (знакомство), *намазанно-колеснейшие* (прорицатели) и др.

Окказиональные слова можно подразделить на две разновидности: потенциальные (потенциализмы) и индивидуально-авторские (эгологизмы) слова. Это два полюса своеобразия, новизны и экспрессивности окказионализмов. Эгологизмы, примеры которых только что приводились, создаются по необычным или малопродуктивным моделям языка и отличаются индивидуально-авторским своеобразием и броской новизной. Чаще всего они появляются в письменной речи и наиболее часты в сатирических, юмористических, пародийных литературных жанрах. Потенциальные слова — тоже новые лексические единицы, которые создаются в процессе общения на основе высокопродуктивных словообразовательных моделей. Авторская индивидуальность почти не влияет на их создание, они очень похожи на существующие в языке слова. Окраска новизны как бы стусевывается в них благодаря высокой регулярности словообразовательного типа, к которому принадлежит созданное слово. *Ракетообразный*, *рюмкообразный*, *стакановидный*, *бочковидный*, *грушеподобный*, *ракетоподобный* и т. п. — все это примеры потенциальных слов. Такие лексические единицы словно бы скрытно существуют в языке, и нужен лишь определенный экстралингвистический стимул для их появления в речи. Но все-таки, как справедливо считают сторонники отнесения потенциальных слов к окказионализмам, эти слова создаются в момент речи, к «подходящему случаю» и не воспроизводятся как «готовые к употреблению» лексические единицы. Создаются каждый раз конкретным индивидом для нужд контекста. В них всегда ощущается известная доля новизны. В литературном

творчестве любое потенциальное слово, как и любой другой окказионализм, выполняет художественную и экспрессивно-эмоциональную функции. Все это позволяет в дальнейшем рассматривать окказиональные речевые единицы без дифференциации их на потенциальные и индивидуально-авторские слова.

Окказиональные слова используются в творчестве самых разных и разноязычных писателей. К сожалению, внимательное отношение к окказионализмам не является переводческим правилом. Очень часто переводчики просто не замечают окказионализмов, принимая их за неизвестные им общеупотребительные или региональноупотребляемые слова, и переводят окказионализмы обычной лексикой. Даже воспринимая окказиональное слово, многие переводчики не решаются заняться словотворчеством и прибегают к более или менее удачным описательным эквивалентам. Обратимся хотя бы к переводам произведений Хосе Марти.

Известно, что язык апостола кубинской революции неповторимо своеобразен. Габриела Мистраль писала, что его языковой стиль — это сочетание «оригинальности манеры, оригинальности словаря и оригинальности синтаксиса». Своеобразие письма Хосе Марти проявлялось не только в особом семантическом ореоле, которым он окружил обычные значения слов, и в ярких тропах, не только в умелом использовании архаизованных слов, диалектизмов и суффиксов субъективной оценки, не только в пристрастии к эллипсисам, анафорам и гипербатонам, но и в прямом словотворчестве. Марти говорил: «Я употреблю устаревшее слово, если оно хорошее, и создам новое, если это необходимо» ("Usare lo antiguo cuando sea bueno y crear lo nuevo, cuando sea necesario."). И он действительно создавал новые слова. В одной из статей Эрминьо Алмендрос приводит далеко не полный список неологизмов Марти, насчитывающий, однако, 82 слова. Больше всего среди них прилагательных с суффиксами -oso(a)-, -esco(a)-, -udo(a)- и др.: *tortugosos* (alemanes), *momentosa* (comida), *festosa* (muchedumbre), *invernosos* (pueblos), *senuda* (moza), *selvudos* (arboles), *idolesco* (rostro), *ogrescas* (naturalezas), *vociferos* (espíritus), *antiatica* (muchedumbre), *mandariega* (gente), *blandiloco* (hombre), *festual* (mesa), *poemico* (color), *aurialado* (poeta), *auriteniente* (hombre), *colegiaje* (situacion), *gansescas* (gentes) и др.

Архаизмы неоднородны. Во-первых, к ним относятся устаревшие слова (или устаревшие значения слов), которые называют исчезнувшие из быта национальной общности предметы обихода, орудия труда, обрядовые вещи понятия, оружие, учреждения, должности и т. п. В русском языке, например, это слова типа *опашень*, *ферязь*, *армяк*, *прялка*, *секира*, *кольчуга*, *ясак*, *стрелец*, *городовой*, *стряпчий*, *целовальник*, *бомбардир*, *патефон* и т. п. или устаревшие значения таких современных слов, как *стол* ('престол, княжение'), *дом* (в смысле 'царская династия'), *приказ* ('учреждение'), *ярлык* ('ханская грамота, указ'), *ядро* ('орудийный снаряд') и т. д. Подобные архаичные слова и значения слов принято называть историзмами.

Во-вторых, это собственно архаизмы, т. е. устарелые названия ныне существующих понятий: *гонитель*, *непотребство*, *ваятель*, *врачевание*, *даяние*, *портмоне*, *поведать*, *издревле*, *всуге*, *токмо*, *сей*, *оний* и т. п.

В русском языке обычно выделяется еще один пласт архаизмов, называемых стилистическими. Это общеизвестные и употребительные, прежде всего в книжной речи слова, которые являются синонимами, а точнее лексическими дублетами других слов, и воспринимаются носителями языка как оставшиеся от прошлых эпох лексические единицы, наделенные оттенком торжественности, стилистической приподнятости, «высокой тональности». Речь идет о таких словах, как *град*, *брег*, *злато*, *врата*, *глас*, *златой*, *полнощный* и др. Своеобычность истории русского языка, связанная с конкуренцией двух параллельных лексических рядов, собственно русского и церковнославянского, привела к появлению таких архаизмов. Русский язык сохранил стилистические архаизмы церковнославянского происхождения, которые в современном языке образуют дублетные пары с обычными словами: *град* — *город*, *брег*

— *берег, злато — золото, персты — пальцы, стезя — путь, дорога* и т. д. Конечно, в других языках, как правило, подобные стилистические архаизмы отсутствуют.

В языковой палитре писателей архаизмы многофункциональны. Их использование зависит от жанра произведения и намерений автора. В исторических романах и повестях архаизмы воссоздают колорит времени и места. В других произведениях они нужны для стилистических целей: с их помощью речь может стать торжественной, возвышенной, иронической, сатирической. Они участвуют в стилизации церковного и официально-делового языка различных эпох. У них богатый набор стилистических функций.

Когда в оригинале архаизмы служат для передачи эмоционально-экспрессивных оттенков, то в переводе таким лексическим единицам обычно соответствуют архаизмы или явно книжные слова. Авторский стиль в переводе воссоздается эквивалентными лексическими средствами. Особых трудностей при этом не возникает, равно как и при переводе историзмов, если они не представляют собой сугубо национальных реалии, когда порою не обойтись и без комментариев. Однако архаизмы выполняют в переводе еще одну важную функцию, которая порождает своеобразную переводческую проблему. О ней следует сказать особо.

Литературное произведение иногда удостоивается перевода на другой язык. Это может произойти сразу же после его создания, спустя десятилетия или через сотни лет. Временная дистанция, которая отделяет перевод от оригинала, влияет на творческие цели переводчика и языковые особенности переводного текста.

С теоретической точки зрения, видимо, следует признать, что существуют *синхронные* (не путать с устным синхронным переводом) и *диахронные* переводы. Синхронный, например, художественный перевод (даже если речь идет о жанре исторического романа) выполняется в эпоху создания оригинала, когда временной уровень языков подлинника и перевода соотносителен и когда автор и переводчик являются современниками. Социальная среда оказывается для них исторически исходной, объединенной многими культурными, научно-техническими, бытовыми и т. п. общностями.

Когда же переводятся произведения прошлых веков, то временная дистанция между созданием подлинника и перевода становится значительной, временные уровни языков оригинала и перевода уже не являются соотносительными, а экстралингвистические характеристики соответствующих эпох различаются коренным образом. В таких случаях следует говорить о диахронном переводе.

При синхронном переводе квалифицированный переводчик распознает без особого труда имеющиеся лексические и синтаксические архаизмы в оригинальном тексте и воспринимает и использует их стилистические функции.

При диахронном переводе возникают дополнительные сложности. Переводчику нелегко определить слова и обороты, которые в пору создания подлинника считались архаичными и употреблялись автором в определенных стилистических целях. Трудность идентификации возрастает еще и потому, что язык всего произведения воспринимается как язык другой эпохи, в котором встречаются архаизованные элементы по сравнению с современной языковой нормой. У литературного произведения, особенно ставшего классическим, долгая жизнь. И хотя его дух, идеи, человеческие характеры и судьбы, все его глубинное содержание остаются близкими современному читателю, буква произведения, его язык постепенно стареют. Естественная архаизация языка художественных произведений влияет на их восприятие и создает особые переводческие проблемы. Переводить ли иноязычные романы XVI—XVII веков русским языком той эпохи? Даже сам вопрос представляется излишним. Конечно, этого делать нельзя. Такой перевод будет малопонятным современному читателю. Напомним, что перевод — особый вид словесного искусства. Он создается для определенной языковой эпохи, современной читателю. Но можно возразить: ведь испанец, читающий сейчас, например, «Дон Кихота»

в издании XVI или XVII веков или в его репринтном воспроизведении явно ощущает архаичность языка великого романа. Почему же эту языковую особенность не должен чувствовать нынешний читатель перевода? В известной степени должен, но не за счет реконструкции языка ушедшей эпохи. К тому же современный испанец — подчеркнем это особо — обычно не читает подобных изданий. Для массового читателя и «Дон Кихот», и «Селестина», и плутовские романы, и другие классические произведения печатаются с орфографическими и морфологическими адаптациями и транскрипциями согласно правилам современного испанского языка. Таким образом, устаревшие тексты и в лоне родного языка имеют свои временные варианты. Адаптация обычно касается материальной стороны языка, главным образом, его графики и морфологических форм. Канонический текст оригинала на поверку оказывается не столь уж неприкасаемым.

Литература:

1. [Lapesa Rafael Historia de la lengua española. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.](#)
2. [Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — \[б. м.\] : Edipoentro, 2013. — 272 с.](#)
3. [Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.](#)
4. [Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.](#)

Тема 3. Синонимия. Антонимия. Омонимия. Паронимия. Эвфемизмы.
Классификация синонимов. Языковые источники испанской синонимии. Оморормы.

В лексико-семантической системе каждого языка есть слова, которые называют одни и те же реальные внеязыковые объекты и явления, но разнятся между собой смысловыми, оценочными, эмоциональными функциональными или какими-либо другими оттенками. Это синонимы (*sinónimos*). Они участвуют в создании богатой и разнообразной лексики языка, с помощью которой человек выражает свои мысли и чувства, оценивает и характеризует факты действительности и воспроизводит ее в образной, художественной форме; они способствуют формированию и функционированию стилей языка и речи и языкового своеобразия литературных жанров.

Совокупность синонимов языка принято называть синонимикой (*sinónimos, conjunto de sinónimos*). Термин синонимия (*sinonimia*) применительно к лексике означает лексико-семантические отношения различных слов, сходных по содержанию своих лексических значений, и сам процесс установления смысловых сходств между словами в речи, в контексте, включая окказиональные синонимические сближения слов.

Синонимы - это принадлежащие к одной части речи слова или эквивалентные им фразеологизмы, лексические значения которых выражают одно и то же понятие, но различаются смысловыми, стилистическими или стилевыми оттенками. Слова *camá, lecho, litera, camastró, catre, уасіја* и т.п. выражают одно и то же понятие «предмет домашней обстановки, служащий для сна», т.е. «кровать», но каждое из них называет свой вид кровати или содержит в своем лексическом значении какой-либо дополнительный смысловой или оценочный элемент. Подобным образом понятие «умереть» группирует целую серию синонимов: *morir, fallecer, expirar, fenecer, finar, irse, sucumbir, perecer, espichar, jugar a la maleta, estirar la pata, irse al otro barrio, pasar a mejor vida* и т.д.

Лексические значения каждого из перечисленных синонимов имеют свои особенности, свою содержательную специфику, но семантическим ядром этих значений является понятие «умереть», «перестать жить». Нетрудно понять, что синонимы не существуют в одиночку. Два или более синонима образуют так называемый

синонимический ряд (серию, группу), в котором, как правило, одно слово принимается за точку отсчета, является доминантой. Лексическое значение такого слова обычно почти исчерпывается выражаемым понятием, оно лишено эмоционально-экспрессивного содержания и со стилевой точки зрения является литературно-нормативным. Например, в синонимической группе *adorno* (украшение), *atavío*, *aderezo*, *compostura*, *decorado*, *decoración*, *ornato*, *ornamento*, *exorno* требованиям доминанты отвечает слово *adorno*; а в ряду *gobar* (воровать), *quitar*, *hurtar*, *gapiñar*, *saquear*, *limpiar*, *mangar*, *mariscar* таким словом будет *gobar*.

Но все ли равнопонятийные слова общенародного языка входят в соответствующие синонимические ряды? Следует ли включать в них диалектизмы? Относить ли арагонское *bato* (глупец) к синонимам с доминантой *tonto* или леонское *perinchar* к группе *llenar*? А как быть с разнообразными жаргонами, например, воровским, в котором понятие «воровать» передается более, чем четырьмя десятками зарегистрированных лексикологами глаголов: *antuviar*, *bailar*, *ostilar*, *quinar*, *guindar*, *pisar*, *fangar*, *mangar*, *datilear*, *manguear*, *birlar*, *apalancar*, *agavillar*, *bastear*, *nicabar*, *chorar*, *mariscar*, *choricear*, *mangutear*, *merchar*, *chorizar*, *hacer la tijera* и т.д. и т.п.? Возникают вопросы и относительно архаизмов типа *atristar* (опечаливать), *arronqueser* (хрипеть), *buldería* (оскорбление), *armento* (стадо) или *agremembrar* (вспоминать). Соотносить их с синонимами современного языка или нет?

Особая проблема возникает в связи с лексическим своеобразием национальных вариантов испанского языка в Аргентине, на Кубе, в Мексике, Никарагуа, самой Испании и т.д. Ведь в Аргентине есть свои собственные аргентинские синонимы к общеиспанским словам (например, *bolacear* — лгать, *rava* — чайник, *colectivo* — автобус или *friga* — глупость), а в соседнем Уругвае — свои (*tira* — мешок, *авоська*, *el botija* — подросток,

ребенок, *bombero* — шпион, *tara* — дефект и т.п.).

Уже упоминалось, что существует два десятка самостоятельных государств, в которых говорят на испанском языке. И для каждого государства испанский язык является официальным языком, который обслуживает нацию, и вместе с тем, и в этом его своеобразие, он фактически выполняет функции языка межнационального общения. У него как бы три основных формы существования: национальная (вариантная), в которой реализуется языковой фонд конкретного национального варианта со всеми его языковыми особенностями; общеиспанская, т.е. межнациональная (межвариантная), которая обеспечивает общение между носителями испанского языка, живущими на любой национальной территории, и сохраняет единство испанского языка как средства общения во всех регионах, и глобальная, представляющая собой всю совокупность всех фонетических, грамматических и лексических средств испанского языка всех национальных и территориальных вариантов во всех их разновидностях. Вопрос о величине синонимического ряда следует решать в строгой зависимости от рассматриваемого языкового среза. Если синонимические ряды выделяются на уровне современной межнациональной (общеиспанской) формы языкового существования, то логично будет включать в синонимические ряды и варианты, и диалектные, и жаргонные синонимы. Лишь вышедшие из употребления архаизмы не будут приниматься в расчет.

С синонимией связаны и такие процессы, как эвфемизация и табуирование. Первое явление приводит к появлению эвфемизмов (*eufemismos*). Под этим термином понимается стилистически нейтральные слова и словосочетания, которые употребляются вместо слов и выражений, кажущихся говорящему неприличными, грубыми или не соответствующими ситуации. Например, вместо *ciego* (слепой) — *invidente* (незрячий), вместо *puta* (шлюха) — *piña* (малютка), вместо *vejez* (старость) — *tercera edad* (третий возраст), вместо *matar* (убить) — *liquidar* (ликвидировать) и т.п.

Среди общающихся существуют также разные запреты, табу (*tabú*), на

произнесение некоторых слов и выражений. В этих случаях табуированная лексическая единица иногда может заменяться эвфемизмом. Табу связаны с магической функцией языка, с верой в то, что слово (равно как предмет или поступок) воздействуют на сверхъестественные силы, которые в случае нарушения табу могут навлечь на нарушителя неминуемую кару. Табуирование часто используют в определенных социальных группах. Например, у вышедших в море испанских рыбаков существует поверье, запрещающее произносить слова *cura* (священник), *zorro* (лиса, лис), *culebra* (змея). В противном случае и улова не будет, и беда может случиться. Священники на испанских рыболовецких судах вообще не должны появляться.

Прежде чем перейти к классификации испанских синонимов, зададим себе еще один предварительный вопрос: могут ли существовать в языке абсолютные синонимы, т.е. такие слова, которые отличаются друг от друга одним лишь звучанием, а в остальном полностью равнозначны, и семантически, и стилистически, и грамматически, и в стилевом отношении.

Такие слова, видимо, встречаются, но их следует рассматривать как исключение, ибо сама языковая система словно стремится к тому, чтобы синонимы существовали как слова, отличающиеся друг от друга в каких-то своих оттенках, характеристиках и свойствах. Если появляются в языке абсолютные синонимы, то спонтанно может возникнуть тенденция к их последующей дифференциации. Иногда утверждают, что, например, *austral* и *meridional* абсолютные синонимы, однако и у них есть свои семантические оттенки: *meridional* выражает понятие «южный», *austral* — тоже «южный», но в смысле относящийся к южному полушарию. Именно это прилагательное входит в терминологические сочетания *hemisferio austral*, *polo austral*, *aurora austral*, *pez austral*, в которых замещение его на *meridional* будет некорректным.

Паронимия

Термин пароним (*parónimo*) можно найти в словарях начала XIX в., хотя еще Аристотель называл им любое производное слово. Однако изучение паронимии (*paronimia*) как лексикологической проблемы началось в середине нашего века. В словарях лингвистических терминов паронимом нередко называют «слово, близкое другому слову своей внешней формой; таковы, например, ит. *traduttore, traditore*». Однако такое определение слишком общее и его нельзя считать точным. Отечественные лингвисты — а именно им принадлежит приоритет в углубленном исследовании паронимов — пошли по другому пути. Паронимия изучается ими как промежуточная между синонимией и омонимией лексическая категория. Если омонимы — это равнозвучащие, но разнозначные слова, а синонимы слова, равнозвучащие, но, в известной степени равнозначные, то паронимы занимают между ними промежуточное положение. Они тяготеют к омонимии и синонимии одновременно. Однако это стремление не может реализоваться полностью. Оно проявляется в виде тенденции. Паронимы не совпадают по звучанию и написанию подобно омонимам, а в содержательном плане они иногда могут достигать даже уровня синонимичности. Паронимы обычно составляют пары: *barbar* (расти о бороде) — *barbear* (брить бороду, усы), *alocución* (краткая речь, обращение) - *elocución* (манера, способ выражения, стиль речи), *agravar* (ухудшить состояние, ситуацию; обострять противоречия; усугублять, отягчать вину) — *agraviar* (обижать, оскорблять, осложнять что-либо), *afección* (волнение, переживание) — *afectación* (аффектация, неестественность), *petrolífero* (нефтеносный) — *petrolero* (нефтяной, полученный из нефти), *circunvalar* (окружать, осаждать) — *circunvolar* (облетать, летать вокруг).

Однако для паронимов принципиально важна еще одна функциональная характеристика: возможность их смешения в речи. Это может происходить из-за недостаточной грамотности носителя языка или намеренно в каламбурных целях. Непреднамеренное смешение паронимов приводит к нарушению литературной нормы. Недостаточно образованный испанец может вместо *apertura de la exposición* (открытие

выставки) сказать *abertura de la exposición* (вскрытие выставки), потому что паронимы *apertura* и *abertura* сближаются не только по своему звучанию, но и в одном из своих значений (ср. *apertura del testamento* — вскрытие завещания). Паронимическими ошибками будут и такие употребления: *azulear la tela* вместо *azular la tela* (*azulear* — голубеть, синеть, *azular* — синить), (Ср. в русском языке «касса для командировочных», хотя нужно — для «командированных», потому что «командировочная» — это документ, а «командированный» — человек; вместо «ему повезло» иногда говорят «ему подвезло»).

Антонимия

Установившиеся в языке лексико-семантические отношения между противоположными по значению словами принято определять термином антонимия (*antonomia*). Такие отношения возникают между антонимами (*antónimos*).

Антонимы - это пары слов одной грамматической категории, которые выражают соотносимые друг с другом понятия, противоположные по своим качественным, временным, пространственным или количественным признакам.

Например, *blanco* (белый) — *negro* (черный), *ancho* (широкий) — *estrecho* (узкий), *grande* (большой) — *pequeño* (маленький), *poco* (мало) — *mucho* (много), *bien* (хорошо) — *mal* (плохо), *riqueza* (богатство) — *pobreza* (бедность), *amistad* (дружба) — *enemistad* (вражда), *subir* (подниматься) — *bajar* (опускаться), *aparecer* (появляться) — *desaparecer* (скрываться, исчезать) и т.д. Из определения антонимов ясно, что отношения антонимии возникают на базе определенных концептов, содержание которых предполагает возможность логически противоположного толкования каких-либо концептуальных характеристик. К подобным концептам-понятиям относятся пространство, время, состояние, качество, чувство, количество, размер, вес, сила и др. Проще говоря, необходимо иметь некую понятийную общность, позволяющую делать сопоставление, сравнение. Именно сущность таких концептов, отражающих реальную действительность, позволяет соотносить слова на основе противоположности их значений. Но слово полисеманлично и поэтому различные его значения могут иметь разные антонимы. Прилагательное *dulce* (сладкий) антонимично *amargo* (горький), но у *dulce* есть и значение «пресный», которому соответствуют антонимы *salado* и *salobre* (соленый).

Основные значения слов *blanco* (белый) и *negro* (черный) антонимичны, но в смысле «белый, светлый» по отношению к напиткам (*vino blanco*) антонимом *blanco* оказывается *tinto* (*vino tinto*). Случается и так, что у двух сопоставимых слов несколько значений оказываются антонимичными. *Alto* и *bajo* являются антонимами в значениях: 1. высокий — низкий (о местности); 2. высокий — низкий (о росте); 3. громкий — тихий (о звуке, голосе); 4. Дорогой — дешевый (о ценах) и др.

Однако множество слов вообще не образуют антонимичных пар, потому что в их лексических значениях либо не выражена качественная или количественная оценка, либо, если такая оценка есть, она не мыслится в противопоставлении чему-либо. Трудно себе представить нечто противоположное основным значениям таких слов, как *casa*, *árbol*, *fútbol*, *piloto*, *escolar*, *verde*, *toser*, *nadar*, *Juan*, *seis*, *anualmente*, etc.

Логика давно обратила внимание на отношения понятий с признаками, которые взаимно отрицают друг друга. Такие понятийные корреляции называются отношениями несогласия. Несогласные (несогласуемые) понятия бывают двух видов: противоречащими и противоположными. Противоречащие понятия можно представить в виде формулы «А — не А» (*blanco*, белый — по *blanco*, не белый). В этом случае все выраженное в «А» содержание отрицается понятием «не А»: *fuerte* (сильный) — по *fuerte* (не сильный). Иначе говоря, признание «не А» состоит в отрицании признаков «А». Это как бы два крайних смысловых полюса. Между ними нет какого-либо «буферного», промежуточного понятия. В логике в этих случаях действует закон исключенного третьего, гласящий, что между утверждением чего-либо и отрицанием того, же самого нет ничего третьего.

Противоположные понятия выражаются формулой «А — не А + В» (*blanco*, белый — *negro*, черный), где «В» означает некое самостоятельное семантическое содержание.

При противоположной корреляции отрицание признаков одного понятия составляет только часть содержания другого понятия, которое имеет и свои специфические характеристики. Иными словами, понятия противоположного несогласия, взаимоисключая друг друга некоторыми из выражаемых признаков, сохраняют независимые, не вступающие в отношения несогласия понятийные компоненты. Сравнивая, например, blanco (белый) и negro (черный), можно заключить, что negro не только отрицает понятие blanco, но и обладает своими признаками: самый темный из существующих цветов, цвет сажи, угля. В понятийной несогласной паре bueno (добрый) — malo (злой) отрицательный противочлен выражает содержание «недобрый» и одновременно передает смысл «исполненный злобы, недоброжелательства, гневного раздражения». У связанных противоречащим несогласием слов такого семантического «привеска» не было.

Между определенными понятиями в силу определенной самостоятельности части их признаков могут мыслиться и промежуточные понятия: blanco (белый) — gris (серый) — negro (черный); bueno (добрый) — benévolo (благожелательный) — bondadoso (отзывчивый) — irritado (раздраженный) — airado (сердитый) — malo (злой). Логика постулирует, что во взаимодействии противоположных понятий проявляется закон противоречия, суть которого в том, что оба понятия, не могут быть отнесены к одному и тому же объекту в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Наконец, следует отметить, что несогласуемые понятия всегда являются соподчиненными. В них, как уже упоминалось, обязательно должно быть нечто общее, что позволяет сравнивать их. Если нет такой общности, то нет и оснований для сравнения. Bueno — malo (добрый — злой) выражают нравственные качества человека; amistad — enemistad (дружба — вражда) называют характер отношений между людьми; popularidad — impopularidad (популярность — непопулярность) отражают общественные симпатии или отсутствие таковых. Но соподчиненными могут быть и такие понятийные пары, как hombre (мужчина) — mujer (женщина), adulto (взрослый) — niño (ребенок), invierno (зима) — verano (лето) и другие. Однако они не являются, по мнению логиков, несогласуемыми понятиями, потому что одно из них не отрицает другое и сходства их понятийных признаков оказываются значительно различий.

Исходя из предложенного логиками деления несогласуемых понятий на противоречащие и противоположные следует предположить, что только противоположные понятия могут образовывать антонимические пары, а понятия противоречащие в такую взаимосвязь не входят и передают лишь отрицание одного понятия с помощью того же понятия и отрицательной частицы при нем. Однако в системе языка логические законы могут приобретать свои особенности и своеобразно воплощаться в материальных языковых формах. Являются ли, например, такие пары, как justicia (справедливость) — injusticia (несправедливость) у cómodo (удобный) — incómodo (неудобный) или culpable (виновный) — inculpable (невиновный) антонимами или нет? С точки зрения формальной логики их можно причислить к противоречащим понятиям, потому что второй член этих пар отрицает первый с помощью префикса in-, связанного со значением отрицания. Не случайно в испанских лексикографических пособиях (да и в русских тоже) дефиниции подобных слов с префиксом in- иногда даются так, как, например, в словаре Марии Молинер: Inagotable — no agotable, incompatible — no compatible, incómodo — no cómodo, indirecto — no directo, etc. Но важно подчеркнуть, что на этом дефиниция не исчерпывается. После такого зачина раскрывается содержание значения:

«Inagotable — No agotable: una fuente inagotable. Una palienera inagotable. Se aplica hiperbólicamente a lo que dura mucho o da mucho de sí.» «Incompatible — No compatible. Se aplica con relación a una cosa u otra que no puede coexistir o armonizar con ella...» И далее определяются другие значения это гослова. «Incómodo — No cómodo: se dice de lo que se obliga a una postura modesta o produce molestias físicas...» И далее указываются другие

значения лексической единицы. «Indirecto — No directo.» Затем идет описание грамматического значения (косвенный) и еще двух значений.

Изучение в языке и речи подобных слов свидетельствует о том, что они уже не выражают просто противоречие понятия по отношению к соответствующим лексическими единицами и что у них в процессе развития языка выработалась семантика противоположения. За этими словами закрепилось собственное лексическое значение, которое не является чистым отрицанием чего-либо у этих слов свои правила словосочетаемости и словоупотребления. Большинство таких слов полисеманлично. Их основные значения позволили выработать значения переносные. И префикс *in-* семантически не равен отрицательной частице *no*. Он выражает не только отрицание, но и противопоставление, а также ограничение и лишение чего-либо. Он часть слова, а не синтаксического сочетания типа *no blanco*. Поэтому пары, подобные *agotable — inagotable*, *compatible - incompatible*, *cómodo — incómodo*, *directo — indirecto*, следует относить к антонимам, входящим в особую антонимическую группу. Один из первых исследователей русской антонимии Л.Ю. Максимов предлагал оппозиции типа «молодой — немолодой» в сравнении с «молодой — старый» называть смягченной противоположностью и полагал, что обе пары передают предельное отрицание, «молодой — старый» указывает на пределы возраста вообще, «молодой — немолодой» определяет пределы одного из периодов жизни человека, животного, растения.

В свое время В.А. Михайлов, подробно изучавший роль отрицания в антонимии, отмечал, что «превращение противопоставления в противоположность есть процесс, и этот процесс связан с превращением слабого отрицания в сильное, предельно выраженное в форме противоречия *A—не A*» и что отрицание следует понимать «не просто как данный в статистике инвариант антонимической оппозиции, но как системную операцию (в единстве с обратной ей операцией утверждения), порождающую отношение противоположности и антонимию. Непосредственная связь с отрицанием, выраженным или не выраженным формальными средствами — это одно из главных свойств антонимов. В антонимичной паре одновременно реализуется утверждение и отрицание. Еще раз подчеркнем, что «формальнологическое и языковое отрицания по смыслу сопоставимы, но отнюдь не идентичны, могут не совпадать».

Антонимические пары данного вида образуют главным образом прилагательные и некоторые существительные. Набор частотных приставок ограничен: *i-*, *in-*, *im-*, *ir-*. Лишь иногда появляются пары, в которых отрицающее понятие заключено в слове с приставкой *des-* (*dis-*): *honesto — deshonesto*, *honrado — deshonrado*, *conocido — desconocido*, *confianza — desconfianza*, *conforme — disconforme*, *conformidad — disconformidad*. В этом случае антонимичными оказываются и несколько глаголов: *confiar* (доверять) — *desconfiar* (не доверять); *conocer* (знать) — *desconocer* (не знать), *gustar* (нравиться) — *disgustar* (не нравиться). Однако большинство антонимичных пар, в которых есть отрицающее слово с приставкой *des-*, не относятся к рассматриваемой группе.

Приведенные выше пары антонимов передают противоположные понятия, но в одном из слов этой оппозиции усилен элемент отрицания. Например, в паре *cómodo — incómodo* коррелят *incómodo* является антонимом с усиленным отрицанием. Это пары, передающие обычные понятийные отношения противоположности. Они образованы из однокоренных слов.

Выделение антонимов другого типа (это, чаще всего, разнокоренные пары) нередко сопряжено с определенными трудностями, так как критерии образования подобных антонимичных пар находятся в сфере семантики и, как правило, не подкрепляются морфологическими показателями. Речь идет об антонимах типа *verdad — mentira*, *lejanía — proximidad*, *vida — muerte*, *sabiduría — tontería*, *amor — odio*; *viejo — joven*, *limpio — sucio*, *duro — suave*, *antiguo — moderno*, *auténtico — falso*, *sano — enfermo*, *lleno — vacío*, *encender — apagar*, *apartarse — acercarse*, *perder — hallar*, *sumar—restar*, *abrir—cerrar*, *aceptar — rechazar*, *acortar — alargar*; *tarde — temprano*, *pronto — lentamente*, *activamente —*

pasivamente, etc.

В эту же группу входят однокоренные антонимы. Один из них отличается от другого коррелята префиксом. Обычно это префиксы *contra-*, *anti-*, *sin-*, *des-*, *(dis-)*, *de-*. Например, *natural* — *contranatural*, *revolución* — *contrarrevolución*, *atacar* — *contraatacar*, *espionaje* — *contraespionaje*, *clerical* — *anticlerical*, *fascista* — *antifascista*, *constitucional* — *anticonstitucional*, *militarismo* — *antimilitarismo*, *razón sinrazón*, *sabor* — *sinsabor*, *atar* — *desatar*, *unir* — *desunir*, *militarización* — *desmilitarización*, *culpar* — *disculpar*, *formar* — *deformar*, etc.

К данному виду относятся также антонимичные пары сложных слов с одинаковой второй основой, первую основу которых составляют, соответственно, наречия *bien* и *mal*, выражающие полярные значения. Например, *bienhechor* — *malhechor*, *bienpensado* — *malpensado*, *bienestar* — *malestar*, *bienoliente* — *maloliente*, *bienandanza* — *malandanza*, *bienaventuranza* — *malaventuranza*, *bienmandado* — *malmandado*, *bienvivir* — *malvivir*, etc. Видимо, к этой же логико-семантической группе примыкают весьма своеобразные антонимы, которые выражают в одной и той же материальной форме два противоположных понятия. Это явление может быть свойственно одному полисемантическому слову, два лексических значения которого являются антонимичными: *alquilar un piso* означает «сдавать (в наем) квартиру» и «снимать (арендовать) квартиру». То же самое происходит и с глаголом *arrendar* («сдавать в наем и брать в наем»). Однако в системе испанского языка такие случаи весьма редки. Подобный вид «внутрисловной» антонимии иногда называют энантиосемией.

Омонимией (*homonimia*) принято называть категориальные лексико-семантические отношения разных по значению, но одинаковых по звучанию слов.

Омонимами (*homónimos*) являются два или более слова, совпадающие по звучанию и различающиеся по своему лексическому значению.

Например: *vela* (парус) — *vela* (свеча); *real* (реальный) — *real* (королевский); *pujar* (толкать) — *pujar* (набавлять цену); *aballar* (перемещать что-либо) — *aballar* (смягчать тона в живописи), *bastar* (быть достаточным) — *vastar* (разрушать, опустошать) и т.п.

В отличие от синонимов появление в языке омонимов в известной степени случайно. Но в этой случайности проявляются определенные языковые закономерности, связанные со словообразованием, полисемией, структурными типами слов. Равнозвучающие слова возникают результате непрерывной эволюции языка и действия законов исторического развития лексики, грамматики и фонетики. Поэтому возможность возникновения таких материально совпадающих лексических единиц предопределена, но реализация этой возможности находится во власти языковой стихии. Когда же омонимы становятся языковым достоянием, носители языка используют их формальные и содержательные особенности в определенных коммуникативных целях и в соответствии с теми стабильными речевыми функциями, которыми наделены данные лексико-семантические группы слов. Обычно выделяется несколько видов омонимов: собственно омонимы (лучше: абсолютные омонимы), омографы, омофоны и омоформы.

Абсолютными омонимами следует считать различные по значению пары слов, принадлежащие к одной части речи и совпадающие во всех своих формах по звучанию и написанию. Например: *banda* (орденская лента; перевязь) — *banda* (банда; духовой оркестр), *dama* (дама) — *dama* (лань), *delfin* (дельфин) — *delfin* (дофин, наследник престола), *golfo* (залив) — *golfo* (бродяга, беспризорник), *gaza* (раса, племя) — *gaza* (щель, трещина), *соріа* (копия) — *соріа* (обилие, изобилие), *haz* (сноп) — *haz* (лицо) — *haz* (строй войск).

Омофонами (*homófonos*) называются такие различные по значению и принадлежащие к одной части речи пары слов, которые совпадают во всех своих формах по звучанию, но отличаются на письме.

Следовательно, у омофонов возникает противоречие между материальными

формами слов: звуковой состав сравниваемых единиц одинаков, а буквенный имеет отличия, обычно обусловленные морфологическими особенностями. Подобных омонимичных форм в испанском языке много. Среди них можно выделить несколько групп, в которых омофоны различаются на письме:

буквами b/v, передающими одинаковые звуки: *basto* (грубый) — *vasto* (обширный); *barón* (барон) — *varón* (мужчина); *botar* (бросать) — *votar* (голосовать); *grabar* (гравировать) — *gravar* (обременять);

буквами g/j, обозначающими одинаковые звуки, когда g стоит перед e и i: *gira* (поездка) — *jira* (лоскут, отрезок); наличием или отсутствием буквы h, которая в современном испанском языке стала практически «пустой», ибо она не обозначает звука: *hatajo* (стадо) — *atajo* (узел), *herrar* (подковывать) — *errar* (ошибаться, заблуждаться), *huso* (веретено) — *uso* (употребление), *hojear* (перелистывать) — *ojear* (взглянуть, посмотреть) и т.п.

В некоторых национальных вариантах испанского языка, занимающих значительные территории, омофоны возникают из-за соответствия одного звука;

буквам ll/y: *rajar* (чертить) — *rallar* (резать на терке; надоедать); *gallo* (терка) — *gayo* (луч); *valla* (изгородь) — *vaya* (насмешка); *callada* (тишина) — *cajada* (посох);

буквам s/x (перед согласными): *expirar* (истекать) — *espirar* (дышать); *expiar* (заглаживать вино) — *espiar* (выслеживать, шпионить);

буквам z/c (перед e и i) и s, которые в современном языке практически на всей территории Латинской Америки и в некоторых диалектах Испании произносятся идентично: *cocer* (варить) — *coser* (шить); *abrazar* (обнимать) — *abrasar* (обжигать); *cazar* (охотиться) — *casar* (женить) и т.д.

В русском языке в разделе омонимии изучаются также омографы. Омографы (*ponygrafos*) представляют собой словесные пары, различающиеся по значению и произношению, но совпадающие по написанию. Обычно это слова, буквенный состав которых одинаков, но разное ударение: *замок* — *замок*, *мука* — *мука*.

Так как в русском письменном языке ударение не указывается специальным знаком, то на письме омографы не отличишь друг от друга. В звучащей речи ударение у них выражено и имеет смысло-различительную функцию.

В испанском языке, видимо, нецелесообразно выделять подобную группу омонимичных слов, так как испанские слова, имеющие одинаковый буквенный состав, но разное ударение, несут на слове, которое отклоняется от акцентологических правил, знак *acento*. Наибольшее распространение в языке получили омоформы.

Омоформы - это различные слова, какие-либо формы которых совпадают по звучанию и написанию.

Омоформами могут стать лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи. Например, форма единственного числа прилагательного *anular* (кольцевой) совпадает с инфинитивом глагола *anular* (отменять, упразднить), повелительная форма *haz* (от *hacer*) омонимична существительным единственного числа *haz* (сноп), *haz* (лицо), а форма единственного числа третьего лица простого прошедшего *vinó* (от *venir*) та же, что и у существительного *víno* и т.д. Иначе говоря, омоформы объединяют одну или более форм двух слов, а не все словоформы, как это было у абсолютных омонимов или омофонов.

Среди омоформ выделяются определенные морфологические виды омонимической соотносимое. Попытаемся перечислить основные из них, имея в виду, что в омоформах типа «форма глагола + форма существительного» не принимается во внимание употребление артикля перед существительным, которое сопоставляется в сло-варно-языковой форме, а не в речевом употреблении:

1. Глагол в 1 л. ед. ч. /Существительное мужского рода Presente de Indicativo:
estudio (я изучаю) — *estudio* (изучение)
desarrollo (я развиваю) — *desarrollo* (развитие)

- robo (я ворую) — robo (воровство)
 comienzo (я начинаю) — comienzo (начало)
2. Глагол в 3 л. ед. ч./Существительное женского рода Presente de Indicativo:
 caza (он охотится) — caza (охота)
 habla (он говорит) — habla (речь)
 honra (он уважает) — honra (честь)
3. Глагол в 1 и 3 л. ед. ч. Presente de Subjuntivo /Существительное обычно мужского рода:
 coste (чтобы я, он стоил) — coste (цена)
 roce (чтобы я, он прикоснулся) — roce (трение)
4. Причастие мужского рода/существительное мужского рода
 dicho (сказанный) — dicho (речь; поговорка)
 escrito (написанный) — escrito (бумага)
5. Одна из глагольных временных форм/Существительное мужского, реже ж. рода ед. ч.
 recibí (я получил), 1-е л. Pretérito indefinido de indicativo) — recibí (квитанция)
 pagaré (я заплачу, 1-е л. Futuro imperfecto de indicativo) — pagaré (расписка)
 Омонимичными могут быть формы причастия и прилагательного. В этом случае совпадают все формы рода и числа:
6. Причастие - прилагательное
 aprovechado, -a, -os, -as (использованный, ~ая, -ые) — aprovechado, -a, os, -as (ловкий,
 -ая, -ие;умелый, -ая, -ые)
 cortado (отрезанный) — cortado (соразмерный; лапидарный)
 picado (рубленный, колотый) — picado (сердитый, гневный)
 parado (остановленный) — parado (ленивый, вялый; безработный)
 При омонимии существительных и прилагательных могут совпадать все формы (особенно, если оба имени оканчиваются на согласную) или лишь некоторые из них:
7. Существительное - прилагательное
 coral (коралл) — coral (хоровой)
 general (генерал) — general (общий)
 capital (капитал; состояние) — capital (головной; главный)
 vaso (бык) — vaso (вакантный)
8. Инфинитив - существительное мужского рода
 querer (хотеть, желать) — querer (любовь)
 vestir (одевать) — vestir (одежда;манера одеваться)
 ser (быть, существовать) — ser (бытие, существование; существо)

Литература:

1. [Lapesa Rafael Historia de la lengua española. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.](#)
2. [Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — \[б. м.\] : Edipoentro, 2013. — 272 с.](#)
3. [Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.](#)
4. [Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.](#)

Тема 4. Фразеологическая единица в оригинале и переводе. Frases hechas. Refranes.

Слова оказываются данностями, уже существующими в языке и закрепленными в сознании человека при освоении языка как средства общения, а словосочетания и предложения формируются в речи, т. е. создаются в речевом акте. Конечно, их создание подчинено строгим законам грамматики, зависят от условий речи, намерений говорящего и т. п. Свобода сочетаемости не бывает абсолютной, она всегда относительна. Однако в языке есть немало словосочетаний, которые не возникают в речи, а используются в ней как готовые словесные блоки. Это так называемые устойчивые /несвободные/ словосочетания или, как их чаще именуют, фразеологические единицы /обороты, сочетания/ или просто фразеологизмы. Они очень разнообразны по своим грамматическим моделям и признакам. Большинство фразеологизмов стилистически значимы, обладают эмоционально-экспрессивными оттенками. В отечественной лингвистике фразеологические единицы изучены весьма глубоко и тщательно на материале различных языков мира. Существуют их классификации, основанные на семантических, грамматических, стилистических и других признаках.

В переводоведении, если ставить прагматические задачи, целесообразно подразделить устойчивые сочетания на три большие группы:

1. Лексические фразеологизмы. Они семантически соотносимы со словами, понятийно аналогичны им. Например: *стреляный воробей, синий чулок, козел отпущения, сматывать удочки, раздувать кадило, строить куры, сыграть в ящик, держать язык за зубами, нечист на руку, без царя в голове, наобум Лазаря, очертя голову* и т. д. и т. п.

Подобные фразеологизмы воспроизводятся в речи в качестве готовых лексических единиц, эквивалентных различным частям речи, существительным, глаголам, прилагательным, наречиям и т. п. Их семантическая неделимость проявляется в том, что за каждой такой единицей закрепляется обобщенно-целостное значение. Именно оно реализуется в речи, а не смысл составляющих фразеологизмов слов.

2. Предикативные фразеологизмы. Это, как правило, законченные предложения, закрепившиеся в языке в виде устойчивых формул. Например: *шла в мешке не утаишь; лучшие синица в руках, чем журавль в небе; на чужой стороне и орел — ворона: лучше поздно, чем никогда; выбирай жену не хороме, а в огороде; седина в бороде, а бес в ребро; лиха беда начало* и т. п.

Как видим, речь идет о пословицах, поговорках, приговорках, афоризмах и других устойчивых суждениях, в которых отразились трудовой, нравственный и житейский опыт народа, практическая философия и человеческая мудрость.

3. Компаративные фразеологизмы, которые закрепились в языке как устойчивые сравнения: *хитрый как лиса, красный как рак, твердый как камень, свежий как огурчик, ходит как слон, поет как соловей, гнется как тростник, работает как вол* и т. п.

Это особый тип устойчивых оборотов. Во многих европейских языках большинство таких словосочетаний образовано по единым моделям. Две из них считаются наиболее распространенными: «прилагательное + союз + существительное» и «глагол + союз + существительное».

Характерными для таких конструкций союзами являются эквиваленты русского *как*, *comme* (фр.), *como* (исп.), *come* (итал.), *as* (анг.), *wie* (нем.) и т. п.

У фразеологизмов каждой из названных групп есть объединяющие их особенности перевода.

Но прежде чем перейти к анализу, спросим, что же надобно передать переводчику при воссоздании фразеологии оригинала в переводе? Наверное, то же, что и при переводе любых других языковых единиц: смысл, эмоции, функцию, стиль. Иначе говоря, в переводе необходимо сохранить смысловое, эмоционально-

экспрессивное и функционально-стилистическое содержание, которое передавалось соответствующим устойчивым словосочетанием в контексте оригинала.

I. Фразеологические сочетания, соотносимые со словами (лексические фразеологизмы), обладают определенными характеристиками. Отметим те, которые представляются важными для переводческой проблематики.

Во-первых, такие обороты включены в словарный состав языка в качестве аналогов различных частей речи. Во-вторых, они характеризуются семантической целостностью, так как каждая такая единица имеет конкретное значение, которое и реализуется в обычной речи. В-третьих, у рассматриваемых устойчивых единиц есть словесно-выраженная внутренняя форма. Фразеологические обороты образованы от свободных словосочетаний и структурно с ними совпадают. Внутренняя форма фразеологизма — это лексико-семантическое содержание свободного словосочетания, на основе метафоризации которого возник фразеологизм, это тот изначальный образ, который позволил свободному индивидуальному словоупотреблению постепенно стать фразеологической единицей со своим собственным устойчивым значением. Конечно, в современном языке степень мотивированности этого значения весьма различна. От почти явной до нулевой. Она сохраняется в выражениях типа 'толочь воду в ступе' (попусту тратить время), 'сгонять семь потов' (изнурять, изматывать работой), 'терять почву под ногами' (лишаться уверенности), 'абсолютный нуль' (ничтожный человек), 'музейная редкость' (нечто устаревшее), 'кот заплакал' (мало) и т. п. У других фразеологизмов внутренняя форма утратила свою мотивацию. Вряд ли параллельные свободные сочетания поясняют значения таких соотносимых с ними фразеологических единиц, как *заложить за галстук, заморить червячка, дать дуба, синий чулок, отставной козы барабанищик, казанская сирота, под мухой, во весь опор* и т. п. Тем более трудно мотивировать значение фразеологической единицы, если в нее входят архаизмы. Сравните, например: *бить баклуши, разводить турусы, точить лясы, вверх тормашками, ничтоже сумняшеся* и т. п.

Следует особо подчеркнуть, что в сознании носителя языка должно закрепиться значение фразеологического сочетания подобно тому, как закрепляются значения слов, ибо внутренняя форма часто способна лишь на относительную, а не на точную подсказку значения фразеологизма, а в иных случаях, как мы видим, и вовсе не может его мотивировать. Действительно, не зная значения оборота 'золотить пиллюлю' (смягчать, скрашивать что-либо неприятное), можно подумать, что он означает 'скрывать что-либо плохое за внешним блеском', а выражение 'глаза загорелись' (о сильном желании иметь что-либо) осмыслить как 'сильно рассердиться на кого или что-либо'.

Таким образом, в современном языке не всякая внутренняя форма обладает объяснительной способностью. К тому же — и это важно для теории перевода — в обычной речи фразеологизмы рассматриваемого типа реализуют, воспроизводят свое значение, а не значения составляющих их слов, их внутренняя форма нейтрализована. Носители языка воспринимают само значение фразеологизма и все его контекстуальные оттенки. Подобное происходит и со словом в речи. Ведь никто в обычном общении не задумывается о внутренней форме слов *самолет, пароход, чернила, снегопад, сапожник, колесить, дальнобойный* или *всечасно*. И никому не приходит в голову мысль о необходимости передачи внутренней формы слов при переводе. На эту форму обратят внимание лишь при калькировании как словообразовательном приеме, игре слов или при научном анализе.

Вряд ли оправданы требования к тому, чтобы переводчик стремился к образной и структурной адекватности фразеологизмов рассматриваемого типа в языке перевода и оригинала. Это требование часто практически невыполнимо, а теоретически необоснованно. Переводчик обязан искать смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие фразеологизму оригинала, а не ломать голову над

воспроизведением внутренней формы такой словесной единицы (об исключениях речь пойдет особо). Поэтому заранее можно сказать, что фразеологическим словосочетаниям анализируемого вида в языке перевода могут соответствовать фразеологизмы, отдельные слова и свободные словосочетания.

Высказанные суждения, хотя они подкреплялись примерами русского языка, относятся и к другим европейским языкам, так как основные черты и особенности фразеологических единиц оказываются универсальными.

Переходя к сопоставительному анализу фразеологических оборотов рассматриваемого вида, проведем его на уровне словарного сопоставления двух языков, например, испанского и русского.

Переводчику, который знает в исходном языке значение фразеологической единицы и ее стилистическую маркировку или определяет их по словарям, язык перевода предоставляет обычно четыре возможности для передачи содержания этой единицы:

а) В языке перевода оказывается фразеологизм, идентичный фразеологизму оригинала, т. е. имеющий то же значение, ту же стилистическую окраску и ту же внутреннюю форму:

carne de canon — *пушечное мясо*

manzana de discordia — *яблоко раздора*

talon de Aquiles — *Ахиллесова пята*

lengua larga — *длинный язык (болтун)*

sacarle (a uno) las castanas del fuego — *таскать каштаны из огня (для кого-либо)*

echar el ancia — *бросить якорь (обосноваться)*

enseñar las cartas — *раскрыть свои карты (выдать себя)*

arriesgar el pellejo — *рисковать своей шкурой* и т. д.

Подобные пары можно считать полными эквивалентами (соответствиями). У них высокая степень адекватности лексико-грамматического состава, значения, образности и экспрессивно-стилистической окраски. Однако следует заметить, что полная эквивалентность величина относительная и не является чем-то абсолютным. У таких эквивалентов может быть своя национальная специфика, свои различия в словосочетаемости, в частотности употребления, в тонких стилевых и стилистических нюансах и т. п.

б) В языке перевода есть эквивалентная фразеологическая единица с тем же, что и в оригинале, или близкосходным значением, равной стилистической окраской и совпадающей по характеру образности внутренней формой:

rajaro gordo — *важная птица*

mosca blanca — *белая ворона*

jugar a dos cartas — *вести двойную игру*

sacar castanas del fuego con la mano del gato — *таскать каштаны из огня чужими руками; чужими руками жар загребать*

dar gato por liebre — *продать коша в мешке* и т. п.

Подобные испанские и русские единицы следует отнести к неполным эквивалентам (соответствиям).

в) В языке перевода есть стилистически эквивалентное фразеологическое сочетание с тем же или близкосходным значением, но иной внутренней формой:

agua en cesta — *мартышкин труд*

cabeza de turco — *козел отпущения*

rapar el viento — *ловить мух, считать ворон*

tomar el pendil — *смотреть удочки, ретироваться*

hacer dos mandados en un viaje — *убить двух зайцев*

cuando las ranas crien pelos — *когда рак свиснет*

a donde lleve el viento — *куда глаза глядят*
hecho un vinagre — *с кислой миной*
de mal en peor — *из огня да в полымя* и т. п.

Такие пары также являются неполными (частичными) эквивалентами.

г) В языке перевода есть соответствующие по своему значению и стилистической окраске слова:

bolsa rota — *мот* (расточитель)
nino gotico — *хлыщ, пижон*
beber los vientos — *вздохать* (по ком-либо)
llevar entre manos — *затеять* (что-либо)
echar plantas — *бахвалиться, куражиться*
mal mandado — *строптивый* и т. п.

В этом случае мы встретились с однословными частичными эквивалентами фразеологизмов.

Итак, если внутренняя форма фразеологизма не обыгрывается в речи, т. е. если нет намека на образ, лежащий в основе фразеологической единицы, нет двуплановости в восприятии такого оборота, то переводчику нет никакой необходимости сохранять этот внутренний образ, а важно лишь передать, как уже говорилось, смысловую, эмоциональную, стилевую и функциональную информацию, присущую фразеологизму подлинника. Поэтому в переводе фразеологической единицы может соответствовать фразеологизм или слово, обладающие эквивалентным объемом информации.

Конечно, переводчик должен стремиться к переводу фразеологизма фразеологизмом. Это основное требование. Выполнением его достигается, как правило, наибольшая равноценность в воссоздании фразеологии оригинала в переводе. Однако иногда такой прием невозможен: в языке перевода может не оказаться понятийно равного фразеологизма или он есть, но не подходит по своим стилистическим характеристикам. Именно в этом случае прибегают к помощи односложного соответствия, описательному переводу и иногда к калькированию.

Рассмотрим конкретные примеры воссоздания русской фразеологии в испанских переводах. Для этой цели возьмем произведения Гоголя и Чехова, так как одной из отличительных особенностей языкового стиля этих авторов является широкое использование устойчивых словосочетаний. В их языке легко найти самые разнообразные фразеологизмы, разговорные, просторечные, книжные, административно-чиновничьи, жаргонные, профессиональные. Даже простое упоминание о стилистических пластах гоголевской и чеховской фразеологии свидетельствует о необычайном разнообразии используемых фразеологических средств, которые позволяли достоверно изображать самые различные социальные среды, характеризовать множество персонажей, создавать эпические, лирические, сатирические, комические и иронические описания, острить, каламбурить и пародировать.

Сравнительно малочисленными оказываются случаи, когда фразеологизму оригинала соответствует полный фразеологический эквивалент в переводе. Это вполне естественно, так как в самих словарных системах сопоставляемых языков таких эквивалентов не так уж много. Прежде всего ими оказываются фразеологизмы, восходящие к общему источнику, например, библейскому или мифологическому. В рассмотренных переводах произведений Гоголя встречены такие соответствия, как *блудный сын* — *hijo prodigo*, *второе пришествие* — *Segundo Advenimiento*, *Страшный суд* — *juicio final*, *Пресвятая Троица* — *Santisima Trinidad* и др. Наличие полных эквивалентов иногда обуславливается одинаковыми или сходными условиями жизни и быта народов, общностью культурно-исторических факторов, психологических процессов и единством мышления.

Литература:

1. [Lapesa Rafael Historia de la lengua española. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.](#)
2. [Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — \[б. м.\] : Edipoentro, 2013. — 272 с.](#)
3. [Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.](#)
4. [Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.](#)

Тема 5. Имена собственные в оригинале и переводе. Смысловые имена собственные. Имя нарицательное. Имя собственное. Антропонимы. Зоонимы. Мифонимы.

Обычные имена собственные

На первый взгляд может показаться, что перевод имен собственных не представляет особых трудностей. Даже переводом это называется весьма условно: ведь, как правило, имена собственные транскрибируются или транслитерируются. Это обусловлено своеобразием имен собственных, которые «по сути дела порождены не потребностями познания, а соображениями удобства коммуникации, особенностями языка». В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Иначе говоря, у имен собственных «на первый план выступает функция номинативная — называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых — называть, чтобы сообщать значение, коннотировать». Кроме того, именованья людей (антропонимы) и географические названия (топонимы) не являются первичными лексическими единицами по своему происхождению, так как они образованы на базе нарицательных слов.

Характеризуя своеобразие информации, присущей именам собственным, А. В. Суперанская пишет: «Имена собственные указывают адреса, указывают на конкретных людей, но, если мы не учили географии и не знакомы с Петром и Иваном, они ничего нам не говорят. Поэтому, чтобы понять собственное имя, узнать его значение, надо сначала узнать, какого рода объект оно означает.

Однако знакомство отнюдь не обязательно должно состояться в прямом смысле слова. Я знаю, что есть французские имена Жак, Пьер, Симон; у меня нет ни одного знакомого с этими именами, но я вполне удовлетворена ответом, что Пьер — это имя.

Таким образом, знакомство может быть не только с объектом и субъектом, но и с языковой категорией, к которой данное имя относится».

Эти характеристики собственного имени и прежде всего его соотнесенность с конкретным объектом, который оно словно бы инвентаризует, маркирует, к которому прикрепляет условный ярлык, определяют в сфере имен собственных транскрипцию в качестве основного переводческого приема. Имя собственное — всегда реалья. В речи оно называется действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, **единственные** в своем роде и **неповторимые**. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной, принадлежности обозначаемого им объекта.

Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реальями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное, национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Испанское слово, например, даже будучи записанным кириллицей, остается испанским словом и не теряет своего национального колорита. Испанские имена Nicolas, Andres или Ana (речь идет не об этимологии этих имен, а об их функционировании в системе современного

испанского языка), совсем похожие на *Николая, Андрея и Анну*, не становятся обрусевшими под пером переводчика, а передаются как *Николас, Андрес и Ана*.

Внутренняя форма любого имени, а под ней понимается смысловая структура слова, соотношение значений компонентов, составляющих слово, обычно отражает словообразовательный процесс, происходивший в момент первичной номинации, и может быть очевидной (как, например, в топонимах: город *Орел*, река *Уж*, озеро *Красавица*, *Кривоколенный* переулочек или в личных именах и фамилиях: *Вера, Надежда, Любовь, Воронов, Красавина, Косоруков*) или стертой, неясной (*Москва, Волга, Ильмень, Аграфена, Сидоров, Аверичев* и т. д., и т. п.).

В повседневном общении и в любых контекстах, где имена собственные выполняют свои обычные функции, внутренняя форма этих слов, как правило, не воспринимается. Ею пренебрегают, так как, даже если смысл этой формы вполне ясен, ей не вменяются в речи характеристические, оценочные функции, хотя потенциальная оценочность в таких словах всегда сохраняется. Внутренняя форма остается частью собственной структуры слова, предназначаемого, как уже говорилось, для называния конкретных объектов, а не для их определения через понятия и лексическое значение. Именно поэтому с теоретической точки зрения «смысловой перевод «обычных» (о «необычных» речь пойдет ниже) имен собственных, у которых есть в языке оригинала нарицательные «двойники», чреват значительными информационными искажениями, а с точки зрения практической он привел бы к величайшей путанице, прежде всего в топонимике.

Если бы названия, например, кубинских населенных пунктов *La Cruz, La Gloria, Rey*, мыса *Rajagos* или гаванской улицы *Virtudes* стало правилом переводить, а не транскрибировать и в русском тексте эти селения назывались бы *Крест, Слава, Король*, мыс именовался бы *Птицы*, а улица стала улицей *Добродетелей*, то исчез бы даже намек на то, что данные топонимы относятся к ареалу испанской речи, и, главное, нарушилась бы та прямая связь между объектом и его названием, о которой говорилось выше. При подобном подходе к переводу топонимов в русском издании карты мира на территории десятка различных стран появились бы населенные пункты с названиями *Орел, Лев, Мир, Вознесение, Троица, Согласие, Заря* и т. д., и т. п., а в планах сотен иностранных городов замелькали бы улицы *Свободы, Братства*, площади *Победы и Славы*, бульвары *Независимости и Равенства*.

Итак, вроде бы все просто: если переводчик работает с двумя языками, имеющими разную графику, то он транскрибирует имена собственные согласно существующим правилам; если это языки с одинаковой графикой, то имя без изменений переносится из оригинала в перевод. Однако даже и в этом простом деле появляются свои трудности и исключения из правил.

Транскрипция имен собственных: современные правила и традиция, ономастические варианты. Несмотря на то, что борьбу за регламентацию и унификацию транскрипции иностранных слов и имен собственных еще начали такие выдающиеся лингвисты, как М. В. Сергиевский и Л. В. Щерба, до сих пор случается разноречивой при транскрибировании антропонимов и топонимов, что приводит к ошибкам в понимании их и к возникновению двух и более вариантов одного иностранного имени. Подобная вариантность в ономастике — явление, безусловно, отрицательное, осложняющее коммуникацию. Если взять, например, одни лишь русские издания художественной, общественно-политической и географической литературы на испанском языке и сравнить в них топонимику, транслитерированную с языков народов бывшего СССР и восточных языков, то легко обнаружатся ничем не оправданные разночтения. Трояко пишутся *Орел* — *Orel, Oryol, Oriol*; *Иртыш* — *Irtish, Irtix, Irtich*; *Сикоку* — *Sikok, Sikoku, Shikoku*; *Пекин* — *Pekin, Pequin, Peking*; *Харбин* — *Jarbin, Harbin, Kharbin* и др. По два варианта имеют *Хабаровск* — *Jabarovsk, Khabarovsk*; *Пхеньян* — *Pieng-Jang, Pyong-Jang*; *Катманду* — *Katamandu, Jatmandu*; *Фудзияма* — *Fisi-Jama, Fujiyama* и т. п.

Топонимические варианты другого рода могут появиться в результате переименований населённых пунктов, улиц и площадей. *Пловдив*, например, на одних испанских картах пишется Plovdiv, а на других — Filipolis; *Чудское озеро* дается то в транскрипции Chudskoeye, то как Reipus; *Тайвань* — Taiwan (Taiuan) и Formosa; *Джакарта* — Jakarta (Diakarta) и Batavia. Поэтому переводчику приходится знать исторические перипетии некоторых топонимов и, к примеру, Джакарту именовать Батавией, если в переводном тексте описываются события до 1949 г.

Возникновение вариантов наименований иногда обуславливается различиями фонетических норм в разных зонах одного и того же языка, распространенного на удаленных друг от друга территориях. Это прежде всего относится к английскому языку, литературная норма которого имеет свои специфические особенности в США, Англии и Австралии, и к испанскому языку — Испании и Латинской Америки, который также характеризуется зональным своеобразием. Приведу лишь один пример. Испанская буква *ll* произносится как боковой среднеязычный сонант, теоретически не имеющий прямого соответствия в русском языке. Транскрибируется он как «ль». В Аргентине и Уругвае орфоэпической нормой стало произнесение *ll* как звонкого палатального шипящего Звукa, похожего на нашу фонему [ж]. Поэтому некоторые переводчики, стремясь к точности воспроизведения оригинального фонетического облика имени собственного, транслитерируют в аргентинских и уругвайских топонимах и антропонимах звук *ll* с помощью русского звука [ж]. Так возникают варианты: *Коронилья* и *Коронижа*, *Белья-Уньон* и *Бежа-Уньон*, *Бельяко* и *Бежако* (уругвайские города); *Вильягамба* и *Вижагамба*, *Эльяури* и *Эжаури* (аргентинские и уругвайские фамилии); имя известного уругвайского скульптора Belloni пишется то как *Бельони*, то — *Бежони*; фамилия героя борьбы за независимость Уругвая Lavalleja и выдающегося уругвайского законодателя Batlle транскрибируется двояко: *Лавальеха* и *Лаважеха*, *Батлье* и *Баже*.

Наконец, следует упомянуть о диахронных омонимических вариантах, которые связаны друг с другом определенной хронологической последовательностью. Такие варианты появляются из-за того, что правила транскрипции — категория историческая, меняющаяся в связи с изменениями фонетического строя языков и успехами его изучения фонетистами и фонологами. В этом отношении весьма показательны транскрипции с английского.

В прошлом веке (иногда в начале нынешнего столетия) английские имена собственные передавались в русской литературе с помощью самой примитивной транслитерации: каждой английской букве в слове подбиралась соответствующая буква русского алфавита. Но, как известно, традиционная графика английских слов часто не отражает их подлинного звучания. Так появились антропонимы *Валлас* (Wallace), *Ворчестер* (Worcester), топонимы *Ньюкестль* (Newcastle), *Гринвич* (Greenwich), *Гуль* (Hull) и т. п. От орфографического принципа передачи английских имен собственных постепенно осуществлялся переход к фонетическому принципу, позволяющему воспроизвести с той или иной степенью приближенности истинное звучание английского имени и сохранить его национальную фонетическую форму. Нынешняя русская транскрипция этих имен приближена к их подлинному звучанию: *Уоллес*, *Вустер*, *Ньюкасл*, *Гринич*, *Холл*.

Правда, укоренившиеся ошибочные транскрипции имен собственных чаще бывают не столь уступчивыми. Они надолго, если не сказать навсегда, оставляют о себе память в переводных топонимах к личным именам, закрепленных графически в языке перевода. В русской испанистике приблизительно до начала XX в. бытовало ложное мнение о том, что «одной букве в испанском языке соответствует одна буква в русском языке». Поэтому в испанских именах собственных с *h* транскрибировались все буквы, хотя *h* к XIX в., когда начался прямой перевод с испанского на русский кастильской художественной литературы, давно уже стало немым и писалось лишь по традиции.

Так появились топонимы *Гондурас*, *Гавана* и другие вместо правильных форм *Ондурас*, *Ла-Авана*. Имена эти закрепились в языке и стали языковой нормой, узусом.

Ономастические перифразы. Определенное внимание требуется при переводе ономастических реалий, которые подразумевают нечто большее, чем географическое название, и стали символами каких-либо учреждений государственных институтов, общественных организаций и т. п.: *Quai d'Orsay* — не только парижская набережная, но и Министерство иностранных дел Франции, которое находится на этой набережной во дворце, носящем то же имя; *Throg-morton Street* — это лондонская улица, где расположена Биржа, и второе — название самой биржи; *Fleet Street* — лондонская улица, на которой размещаются редакции крупнейших журналов и газет, и собирательное имя, означающее прессу Англии. Хорошо известен переносный смысл таких американских топонимов, как *Wall Street*, *Harlem* и др.

Особенно внимательным приходится быть переводчику, когда в произведениях прошлых веков он встречается с ныне устаревшей ономастической перифразой. *Rue des mauvais jardins* — улица в Париже и когда-то воровской притон, ибо на ней жили воры, грабители и хулиганы и ходить по ней было небезопасно.

За многими выдающимися представителями литературы и искусства закрепились перифрастические имена, которые необходимо знать переводчику: *Le vieillard de Ferney* — это *Вольтер*, *Homero Espanol* — *Луис Гонгора*, *Manco de Lepanto* — так зовут *Сервантеса*, *Profesor de Salamanca* — *Унамуну*, *Plasant Bard* — это *Роберт Бернс*, *The Bard of Avon* — *Шекспир*. Контекст подскажет, следует ли перевести *The Bard of Avon* сочетанием *Эвонский бард* или просто *Шекспир*, а *Le vieillard de Ferney* — *Фернейским старцем* или *Вольтером*. Признавая существующее в современной ономастике деление обычных имен собственных на общие («невоплощенные») имена и индивидуальные («воплощенные»), следует подчеркнуть, что перифразы, подобные приведенным выше, могут появляться только как эквиваленты воплощенных имен собственных. Ведь общие имена в сфере антропонимики служат для называния индивидов и представляют собой собрание фишек, которыми маркируют простых смертных, например: *Иван*, *Петр*, *Мария*, *Лена* и т. п.

Воплощенные имена соотносятся с конкретными историческими личностями, за ними закрепляются определенные понятия и представления о тех, кого они именуют например: *Аристотель*, *Наполеон*, *Лев Толстой*. Конкретная личность может быть названа, охарактеризована с помощью различных перифраз и метафор, некоторые из которых, укоренившись в речи, способны стать устойчивыми перифрастическими эквивалентами индивидуального имени собственного. К воплощенным именам следует отнести и топонимы, ибо они называют, как правило, единственные, конкретные объекты.

Краткие имена, имена с суффиксами субъективной оценки. В европейских языках личные имена могут иметь полную и краткую (сокращенную) форму (не считая форм с суффиксами субъективной оценки), которые иногда совершенно различны по звучанию. Ср., например, русские имена: *Александр (а)* — *Шура*. *Анна* — *Нюра*, *Ольга* — *Бея*; испанские: *Франсиско* — *Пако*, *Гумерсиндо* — *Синдо*, *Рамон* — *Мончо*, *Консеьон* — *Конча*, *Мерседес* — *Мерче*; английские: *Роберт* — *Боб*, *Эдвард* — *Нед*, *Ричард* — *Дик*, *Вильям* — *Билл*.

Смоделированные смысловые антропонимы. В эту группу входят смысловые личные имена, образованные путем видоизменения русских слов с помощью различных формантов или каким-либо другим способом, а также имена, составленные на основе словосочетаний и фразеологизмов.

Звуковое восприятие иностранной речи создает в сознании иноязычных слушателей своеобразный фонетический стереотип того или иного иностранного языка. Французская речь представляется многим русским составленной из большого числа носовых гласных и палатализованных согласных и потому мягкой по звучанию, а,

например, английская речь с характерными заднеязычными звуками и своеобразным придыханием кажется нам гортанной и нечеткой по артикуляции. Конечно, такие стереотипы весьма условны и основываются на поверхностном представлении о звуковом составе того или иного языка. Их возникновению способствуют акцентуальные оттенки русской речи иностранцев (иностранский акцент, как известно, определяется структурными расхождениями между соответствующей парой языков). В каждом языке существуют определенные традиции в передаче иностранного акцента в речи персонажей художественных произведений. «Так, в русской литературе немецкий акцент нередко изображается употреблением «и» вместо «ы», мягкого «ль» вместо твердого «л», то есть показывается замещение немецкими фонемами русских фонем, отсутствующих в немецком языке». Таким образом, переводчик, воссоздавая смысловое имя, руководствуется и упомянутым стереотипным представлением о звуковом облике языка оригинала, и традицией в передаче варваризмов.

Литература:

1. [Lapesa Rafael Historia de la lengua española. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.](#)
2. [Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — \[б. м.\] : Edipoentro, 2013. — 272 с.](#)
3. [Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.](#)
4. [Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.](#)

Тема 6. Трудности перевода. Лексические трудности. Грамматические трудности. Стилистические трудности.

При переводе с испанского на русский переводчику могут встретиться трудности, типичные для западнороманских (а отчасти и других западноевропейских) языков. Это прежде всего правильная интерпретация глагольных форм. В испанском существует целый ряд времен глагола, которые в русском отсутствуют, и смысловые нюансы, которые они передают, приходится передавать по-русски иными способами. Гораздо более широко, чем в русском, используются в испанском формы конъюнктива.

Некоторые сложности может представлять также правильная передача существительных и именных групп в зависимости от того, есть перед ними определенный артикль или нет. В русском языке такие нюансы обычно передаются с помощью порядка слов.

Что касается правильной передачи имен собственных и слов, которые остаются в тексте без перевода, то, в отличие от французского или португальского, в испанском никаких проблем с этим, как правило, не возникает. Все испанские буквы и диграфы имеют в русском вполне однозначные соответствия.

Морфология и синтаксис являются основными элементами грамматики и именно здесь существуют главные различия в языковых системах, которые вызывают определенные трудности при переводе, приводят к интерференции и другим явлениям. Морфология испанского языка обычно не вызывает особых трудностей в понимании и переводе текстов. Больше трудностей создает синтаксис. Для их преодоления требуется безукоризненное владение всеми синтаксическими конструкциями испанского языка, в том числе редкими и устаревшими (принимая во внимание, что использование архаичных синтаксических конструкций подчас может служить таким же украшением стиля, каким служат изысканные синонимы или необычные сравнения).

Типичные сложности при переводе связаны с незнанием таких, например, конструкций, как *dado (dada, dados, dadas) + существительное: Dada la elección del Presidente de la Asamblea el número de puestos se reduce...* В связи с избранием председателя Генеральной ассамблеи число мест снижается до...

Немало трудностей при переводе связано с глагольными перифразами и с перифрастическими сочетаниями, например, перифразы в состав которых входит инфинитив основного (смыслового), глагола, могут иметь различные временные или видовые оттенки, а перифразы, построенные по типу *ir a + инфинитив*, указывают на предстоящее в ближайшем будущем действие. Они и переводятся на русский язык обычно будущим временем:

Voy a verle mañana. Завтра я его увижу.

В этом случае вспомогательный глагол в перифразе остается без перевода, а вносимый им временной оттенок выражается будущим временем русского глагола. Возможен и другой перевод, при котором испанский вспомогательный глагол передается русскими глаголами собираться или намереваться:

Le voy a invitar uno de esos días. Я собираюсь пригласить его на днях.

Некоторые трудности создают обороты: инфинитивные, герундиальные, причастные (абсолютные и связные). Для того чтобы правильно понимать, а следовательно, и переводить на русский язык испанские инфинитивные обороты, необходимо помнить, что в испанском языке, в отличие от русского, инфинитив может иметь свое особое подлежащее, выражаемое именительным падежом личных местоимений либо существительным без предлога. Абсолютный инфинитив, т.е. инфинитив, имеющий свое подлежащее, обычно переводится на русский язык либо развернутым придаточным предложением, либо именем действия, субъект которого передается существительным в косвенном (обычно родительном) падеже.

Также следует помнить, например, что *por* с инфинитивом означает причину: *por ser débil* из- за своей слабости.

В испанском языке порядок слов в целом довольно близок к русскому. Отличия касаются лишь нескольких пунктов, и именно здесь возникают трудности для переводчика. Вот каковы важнейшие из этих отличий:

а) Прилагательные в отличие от русского языка, располагаются чаще всего после определяемого им существительного; после существительного расположены и подчиненные ему конструкции с предлогом (*de* и *pr.*), которые переводятся на русский язык прилагательными: *Congreso de París*—Парижский конгресс. Чтобы облегчить свою задачу, переводчик должен переводить текст не слово за словом, а синтагма за синтагмой.

б) Испанские предложения нередко начинаются с глагола-сказуемого, за которым следует дополнение, подлежащее или обстоятельство места:

Ha correspondido a las Naciones Unidas transformar la consideración...

- Надолго Организации Объединенных Наций выпала задача...

Такой порядок слов характерен для фраз, в которых новая информация содержится в подлежащем или ином члене предложения, располагающемся в конце предложения.

Фраза *El Presidente de la Rusia llega a Bogotá* уместна в тексте, где уже прежде шла речь о президенте, и новая информация фразы в том, куда приехал президент. Фраза же *Llega a Bogotá el Presidente de Rusia* используется тогда, когда логический акцент падает на подлежащее. В русском языке такому испанскому порядку слов соответствует (как это видно, в частности, и из приводимых здесь примеров) иное расположение слов: в начале предложения располагается дополнение, подлежащее или обстоятельство места, а за ним следует сказуемое. Поэтому, услышав в начале предложения сказуемое, переводчик должен услышать следующий за ним член предложения, и передать все предложение с естественным для русского языка порядком слов.

в) Некоторые трудности связаны с переводом предложений, содержащих выделительную конструкцию *Es... lo que...(Es...el que...,es...la que)*- в русском языке ей соответствует постановка выделенного члена предложения в конце фразы:

No es ayuda lo que se requiere para solucionar el problema, es equidad.

- Для решения этой проблемы нужна не помощь, а справедливость.

Поэтому, услышав в начале предложения *es*, переводчик часто оказывается перед синтаксической неясностью, поскольку возникает выбор из трех возможностей : фраза с выделенной конструкцией *es...lo (el, la, los) que...*, фраза с подлежащим, которое будет где-то далее в предложении, или фраза без выраженного подлежащего (тогда надо выставлять он и т.п.). *No es motivo de tranquilidad social el que nuestros pueblos estén imposibilitados de disfrutar de los bienes que la civilización ha creado para su beneficio y comodidad.* Здесь синтаксическая структура становится ясной только тогда, когда переводчик увидит слова *el que*. Догадаться об этой синтаксической структуре можно и ранее (по отсутствию артикля у слова *motivo*, показывающему, что *motivo* здесь не подлежащее, а именной член сказуемого), но такая догадка недостаточно надежна, чтобы на нее можно было опереться без риска испортить всю фразу.

г) Нередко бывает и так, что порядок слов испанского предложения мало отличается от русского, и тем не менее, начальные слова предложения не позволяют еще понять синтаксической структуры, и для того, чтобы начать перевод, необходимо ждать окончания первой синтагмы или даже последующей.

Так происходит, когда фраза начинается с конструкции *al+* инфинитив: *Al elegirle en forma unánime se ha honrado, particularmente, a uno de los grandes obreros de las Naciones Unidas.* Только услышав подлежащее и сказуемое, можно понять, следует ли здесь применить в переводе деепричастие (при совпадении субъектов инфинитива и глагола-сказуемого) или придаточное предложение, а если придаточное, то какое: временное, причинное или условное.

Такая же трудность возникает, если испанская фраза начинается с имени существительного (или именной группы) без артикля— это может быть не только подлежащее предложения, но и приложение (которое по-русски переводится конструкцией “ будучи...+ творит.падеж”): *Firmes partidarios del método de las negociaciones para resolver los conflictos internacionales, deseamos dejar constancia...* Впрочем, в данном случае можно рискнуть и приступить к переводу с самого начала (переводя испанское существительное русским существительным в именительном падеже), ибо приложение по-русски может быть передано (иногда со стилистическими натяжками) и именительным падежом: *Убеденные сторонники метода переговоров при решении международных конфликтов, мы хотим....*

д) Необходимость не пословного, а посинтагменного перевода диктуется тем обстоятельством, что слова, находящиеся в пределах одной синтагмы, семантически влияют друг на друга, и поэтому перевод отдельного слова до окончания синтагмы может оказаться лексически неправильным. В силу этого к посинтагменному переводу приходится прибегать и в тех случаях, когда этого не требуют собственно синтаксические причины.

Тема 7. Полисемия и типы лексических значений. Моносемия.

Полисемия и типы лексических значений

Если бы каждое слово использовалось для выражения одного значения, то словарь разросся бы до астрономических размеров.

Язык — это целесообразно организованное, гармоничное и экономное средство человеческого общения. Многозначность формы — это объективная закономерность существования языка.

Наличие у одного и того же слова нескольких, связанных между собою значений называется полисемией (*polisemia*), или многозначностью. Моносемия (*monosemia*), т.е. существование у лексической единицы одного значения, не является типичной для многих слов.

Даже в терминологии, где однозначность распространена шире и где она намеренно поддерживается, ее положение не так уж прочно. Существование нескольких значений у одной лексической единицы можно рассматривать как сумму ее семантических вариантов. У некоторых наиболее употребительных слов насчитывается значительное число значений, которые постоянно реализуются в речи. Причину появления в слове нового смысла обычно следует искать не в языковой системе, а в экстралингвистическом импульсе, в потребности общающихся дать наименование новому объекту или оттенку мысли. Однако новое значение слова не может возникнуть без опоры на одно из значений, уже имеющих в слове: оно появляется в результате его развития, видоизменения. Это, как правило, не однозначный акт, а процесс, иногда длительный.

Существенную роль в возникновении полисемии играет воображение человека, так как новое значение создается на основе переосмысления, метафоризации старого, уже существующего. Название одного объекта действительности, сходного или контрастного по каким-либо признакам с тем объектом, который нуждается в номинации, переносится на этот последний. Такое переносное употребление начинает воспроизводиться в речевых актах, приобретает массовый характер и окончательно приспособливается к лексико-грамматической системе языка. Из сферы речи употребление переходит в сферу языка и рассматривается как значение-неологизм. Со временем ощущение новизны стирается, и это значение слова воспринимается как обычное. Множество значений в словах возникло с помощью таких тропов, как:

Метафора (*metáfora*), когда перенос названия с одного объекта мысли на другой происходит на основе какого-то сходства между этими объектами. Сходства бывают самого различного характера. Их трудно систематизировать, настолько они разнородны.

Метонимия (*metonimia*), когда перенос наименования осуществляется на основе смежности, т.е. связи пространственного, временного, причинно-следственного или какого-нибудь другого характера между сравниваемыми объектами. Он может опираться на связь формы и содержания, материала и изделия из него, действия и его результата, творца и его произведения, части и целого, целого и части, сужение и расширение значений и т.п. Причем метонимия, основанная на связи целого и части и наоборот, имеет свое особое название—синекдоха (*sinécdoque*). Путем метонимического переноса возникли значения:

- *café* («зерна кофейного дерева») → «напиток» и «кафе»;
- *mate* («парагвайский чай») → «напиток из этой заварки» и «сосуд для питья мате»

- compra («купля, покупка как процесс») → «покупка как купленная вещь»;
- lienzo (полотно) → значение «картина»;
- canto (пение) → «песня»;
- casa (дом) → «очаг, семья»;
- comer (есть) → значение «обедать» и т.д.

Полисемия существует на уровне языка. За словом закрепляется набор значений, который фиксируется в том или ином объеме в памяти носителей языка. В речи же обычно реализуется лишь одно значение слова, необходимое для выражения мысли говорящего.

Литература:

1. Lapesa Rafael Historia de la lengua española. — Мадрид : Editorial Gredos, 1981. — 353 с.
2. Lengua y literatura nuevo bachillerato 1 / Manuel Freire H. — [б. м.] : Edipoentro, 2013. — 272 с.
3. Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы. — М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
4. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка : учебник. — М. : Высшая школа, 2003. — 244 с.